

ребенка, не собранное и не сконцентрированное в незрелых еще половых органах, — рассеяно по всему организму его, и любой участок тела может стать соматическим источником полового возбуждения. Этот первый период сексуального развития Фрейд называет догенитальным периодом, так как половые органы (гениталии) еще не стали телесным центром влечения. Следует заметить, что некоторая степень сексуальной возбудимости сохраняется за эрогенными зонами (особенно рот и anus) и на протяжении всей последующей жизни человека²².

2) Сексуальное влечение ребенка еще не самостоятельно, не дифференцировано: оно тесно примыкает к другим потребностям организма и процессам их удовлетворения — к процессу питания, сосания груди, к уринированию, дефекации (испражнение) и др., придавая всем этим процессам сексуальную окраску²³.

3) Сексуальное влечение ребенка в первой «оральной» стадии удовлетворяется на собственном теле и не нуждается в объекте (в другом человеке): ребенок автоэротичен²⁴.

4) Так как примат гениталий (т.е. их преобладание в половой жизни) еще отсутствует, то половая дифференциация влечения еще зыбка. Можно сказать, что на первой стадии своего развития сексуальное влечение бисексуально (т.е. двуполо)²⁵.

5) Вследствие всех этих особенностей раннего полового влечения ребенок оказывается многообразно извращенным (polymorph pervers); он склонен к мазохизму²⁶, садизму, гомосексуализму и к другим извращениям²⁷. Ведь его libido рассеяно по всему телу и может соединиться с любым процессом и органическим ощущением, из всего извлекая сексуальное удовольствие. Наименее понятен ребенку именно нормальный половой акт. На половые извращения взрослых людей Фрейд смотрит как на явление заторможенности нормального развития, как на регресс к ранним ступеням инфантильной (детской) сексуальности.

Таковы, по Фрейду, основные черты инфантильной эротики.

Теперь становится ясным, какой громадный запас сексуальных желаний и связанных с ними представлений и чувств может родиться в душе ребенка на почве детского libido и должен подвергнуться затем беспощадному вытеснению в бессознательное.

²² Развитие сексуального влечения у ребенка проходит, по мнению Фрейда, через следующие ступени: первая догенитальная ступень — оральная, при которой главную роль играет рот, соответственно наиболее существенным интересам ребенка; за ней следует анальная ступень и, наконец, — последняя ступень, когда первое место занимает генитальная (половая) зона. Все эти ступени, по мнению Фрейда, ребенок проходит довольно быстро приблизительно на 5-6 году рождения. — *Прим. ред.*

²³ «Очерки по псих, секс.», 55, 75-79.

²⁴ *Ibid.*, 56-58.

²⁵ *Ibid.*, 93-94.

²⁶ Мазохизм — сладострастие, доставляемое самоистязанием и страданием.

²⁷ «Очерки по псих, секс.», 66-68.

Мы можем сказать, что вся ранняя эпоха истории нашей души находится за пределами нашего сознания — ведь чело век обычно не помнит, что с ним было до четырехлетнего возраста, — но события этой эпохи не утратили своей силы и постоянно живы в бессознательном; это прошлое не умерло, оно сохраняется в настоящем, ибо не было изжито.

1. _____] Самым важным событием этой вытес-
 15. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС _____] ненной истории детской сексуальной жиз-

ни являются половое влечение к матери и связанная с ним ненависть к отцу, так называемый эдипов комплекс²⁸. Учение об этом комплексе и его роли в жизни человека является одним из важнейших пунктов фрейдизма. Сущность его сводится к следующему. Первым объектом эротического влечения человека, конечно, в смысле инфантильной эротики, охарактеризованной нами выше, — является его мать. Отношения ребенка к матери с самого начала резко сексуализованы. По мнению известного и авторитетного ученика Фрейда — Отто Ранка, даже пребывание зародыша в материнском чреве носит либидинозный характер и, собственно, с акта рождения — первого и самого тяжелого отделения от матери, разрыва единства с нею — и начинается трагедия Эдипа²⁹. Но libido все снова и снова тянется к матери, сексуализуя каждый акт ее ухода и забот: кормление грудью, купание, помощь при дефекации — все это для ребенка — сексуально окрашено. При этом неизбежны прикосновения к различным эрогенным зонам и к гениталиям, пробуждающие в ребенке приятные чувства, а иногда и первую эрекцию. Ребенок тянется в постель к матери, прижимается к ее телу, и *смутная* память его организма влечет его к uterus'у (матке) матери, к возвращению назад в этот uterus. Таким образом, ребенка органически влечет к инцесту (кровосмесительству). Рождение инцестуозных желаний, чувств и представлений при этом совершенно неизбежно.

Соперником в этих влечениях маленького Эдипа становится его отец, который навлекает на себя ненависть сына. Ведь отец вмешивается в отношения ребенка к матери, "не позволяет брать его в постель, заставляет быть самостоятельным, обходиться без материнской помощи" и пр. Отсюда у ребенка является инфантильное желание смерти отца, которая позврлила бы ему нераздельно владеть матерью. Так как в душе ребенка в эту эпоху его развития еще нераздельно господствует принцип наслаждения, то нет никакого предела для развития как и инцестуозных, так и враждебных стремлений, желаний и связанных с ними разнообразных чувств и образов³⁰.

²⁸ Об этом см. Фрейд. «Снотолкование», стр. 196–204, а также работы: Jung. «Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen»; O. Rank. «Incestmotiv in Dichtung und Sage» и его же «Trauma der Geburt» (1924 г.).

²⁹ O. Rank. «Trauma der Geburt».

³⁰ То же самое в обратном отношении приложимо и к девочке.

Когда принцип реальности получает силу, и голос отца с его запретами начинает мало-помалу перерабатываться в голос собственной совести, — начинается тяжелая, упорная борьба с инцестуозными влечениями, и они вытесняются в бессознательное. Весь эдипов комплекс подвергается полной амнезии (забвению). На месте вытесненных влечений рождаются ст^ах и стыд; их вызывает в душе самая мысль о возможности полового влечения к матери. Цензура прекрасно выполнила свое дело: легальное — так сказать, официальное — сознание человека со всею искренностью протестует против самого намека на возможность эдипова комплекса.

Далеко не всегда, по Фрейд, процесс вытеснения эдипова комплекса проходит безболезненно для ребенка; часто он приводит к нервным заболеваниям, особенно к детским фобиям³¹.

Эдипов комплекс, по мнению Фрейда, вполне объясняет, почему так распространены у различных народов мифы о кровосмесительстве, об измене отца сыном или, наоборот, об изменении детей отцом и другие родственные сказания. Этим же объясняется и то неотразимое впечатление, которое производит на всех людей знаменитая трагедия Софокла: «Царь Эдип», хотя с точки зрения официального сознания мы должны признать положение Эдипа выдуманным и ни в какой степени не типичным для жизни. Но эта трагедия, по Фрейд, равно как и всякое великое произведение искусства, обращается совсем не к нашему официальному сознанию, а ко всей психике в ее целом и прежде всего к глубинам бессознательного³².

Эдипов комплекс, это первое доисторическое событие жизни человека, имеет, по учению Фрейда, огромное, прямо решающее, значение для жизни человека. Эта первая любовь и первая ненависть останутся навсегда самыми цельно органическими чувствами его жизни. По сравнению с ними все последующие эротические отношения, проходящие уже при овете сознания, представляются чем-то поверхностным, головным, не захватывающим самых глубин организма и психики. РАНК и ФЕРЕНЧИ прямо считают все последующие любовные отношения человека только суррогатом его первой эдиповой любви, которой предшествовало полное органическое единство с ее объектом — матерью. Будущий coitus (половой акт) человека является только частичной компенсацией потерянного рая внутриутробного состояния. Все события взрослой жизни заимствуют свою психическую силу от этого первого, вытесненного в бессознательное, события — эдипова комплекса. В дальнейшей жизни человек разыгрывает все снова и снова, — сам, конечно, совер-

³¹ См. Freud, «Geschichte der Fobie eines 5-jährigen Knaben» (Kl. Sehr. 3. F., стр. 1 и

дальше).

³² Такого рода психологические исследования, которые на основе психоанализа стремятся проникнуть в глубины человеческой психики (область бессознательного), получили в психоаналитической литературе новый термин «глубинной психологии» (Tiefenpsychologie). — Прим. ред.

шенно этого не сознавая, — с новыми участниками жизни это первичное событие эдипова комплекса, перенося на них свои вытесненные, а потому и вечно живые чувства к матери и к orgy. Это основано на так называемом механизме перенесения (Übertragung).

Механизм >перееенения — очень важный момент в психоаналитической теории и практике. Под ним Фрейд понимает бессознательное перемещение вытесненных влечений, главным образом сексуальных, со своего прямого объекта на другой — замещающий; так, влечение к матери или вражда к отцу обычно переносятся на врача во время психоаналитических сеансов и таким путем частично изживается. В этом — значение механизма перенесения для психотерапевтической практики. Перенесение — один из способов обойти запреты официального сознания и хотя бы частично дать волю и выражение бессознательному.

Фрейд полагает, что любовная жизнь человека во многом зависит от того, насколько ему удастся освободить свое libido от прикрепления к матери. Первый объект юношеской любви обычно бывает похож на мать.

Но образ матери может сыграть и роковую роль в развитии полового влечения: страх «инцеста, сделавший для официального сознания любовь к матери нарочито духовной, так называемой любовью-уважением, несовместимой даже с мыслью о чувственности, — этот страх может тесно срастись в душе человека со всяким уважением, со всякой духовностью. Это часто делает невозможным половое общение с духовно любимой и уважаемой женщиной — и приводит к роковому разделению единого сексуального влечения на два потока: на чувственную страсть и духовную привязанность, не соединимых на одном объекте³³.

4. СОДЕРЖАНИЕ БСССОЗНАТЕЛЬНОГО ВО ВТОРОЯ ПЕРИОД

Эдипов комплекс и все с ним связанное составляет главное содержание системы бессознательного: к нему стягиваются меньшие группы вытесненных психических образований, приток которых продолжается на протяжении всей жизни человека. Культура и культурный рост; индивида требует все новых и новых вытеснений. Но в общем можно сказать; что главную массу, так сказать, основной фонд бессознательного, составляют инфантильные влечения сексуального характера. Из влечений «я» следует упомянуть* только о так называемых агрессивных (враждебных) влечениях. В детской психике с ее «все позволено» эти агрессивные влечения носят свирепый характер: своим врагам ребенок редко желает чего-нибудь меньше смерти. Таких «мысленных убийств» даже самых близких лиц накаплиется в первые годы жизни ребенка очень много; все они вытесняются затем в бессознательное. Благодаря господству принципа наслаждения, ребенок во всех отношениях является чистым и последовательным эгоистом. Никаких нравственных и культурных ограничений

³³ Freud. «Zur Psychologie des Liebeslebens» (Kl. Sehr. 4. F.).

этого эгоизма не существует. На этой почве также вырабатывается достаточно материала для бессознательного.

Таково в основных чертах содержание бессознательного.

Мы можем выразить его в следующей резюмирующей формуле: в мир бессознательного входит все то, что мог бы сделать организм, если бы он был предоставлен чистому принципу наслаждения, если бы он не был связан принципом реальности и культурой. Сюда входит все, что он откровенно желал и ярко представлял себе (а в ничтожной степени и выполнил) в ранний инфантильный период жизни, когда давление реальности и культуры было еще слабо и когда человек был более свободен в проявлении своего исконного, органического самодовления.

Все приведенные нами выше определения и характеристики основных моментов фрейдовской концепции бессознательного — двух принципов психического свершения, вытеснения, цензуры, теории влечений и, наконец, содержания бессознательного — были выработаны Фрейдом, как мы уже указывали, во втором — положительном периоде развития психоанализа. На работах этого периода мы преимущественно и основывались в своем изложении.

Но мы знаем, что в третий период это учение подверглось довольно существенным изменениям и дополнениям. Мы знаем также, в каком направлении шли эти изменения.

Останавливаясь подробно на всем том новом, что принес с собой третий период развития психоанализа, мы не будем.

Ведь кульминационный пункт развития этого периода приходится уже на наши дни. Многие в нем еще не сложились и не определились окончательно. Обе характерные для этого периода книги самого Фрейда страдают недосказанностью, местами — неясностью, отличаясь этим от почти классических по прозрачности, точности и завершенности прежних его работ. Поэтому мы ограничимся кратким рассмотрением лишь важнейшего.

5. ТЕОРИЯ ВЛЕЧЕНИЙ ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА (ЭРОС И СМЕРТЬ)

Теория влечений подверглась существенным изменениям. Вместо прежнего деления влечений на сексуальные (продолжение рода) и влечения «я» (сохранение индивида) появилось новое, двулучное деление: 1) сексуальное влечение, или эрос; 2) влечение к смерти. Влечение «я» и, прежде всего, инстинкт самосохранения отошли к сексуальным влечениям (эросу), понятие которых, таким образом, чрезвычайно расширилось, охватив оба члена прежнего деления.

Под эросом ФРЕЙД понимает влечение к органической жизни, к сохранению и развитию ее во что бы то ни стало — в форме ли продолжения рода (сексуальность в узком смысле) или сохранения индивида. Задачей влечения к смерти является возврат всех живых организмов в безжизненное состояние неорганической, мертвой материи, стремление прочь от беспоконья жизни и эроса.

Вся жизнь, по Фрейду, является борьбой и компромиссом между указанными двумя стремлениями. В каждой клетке живого организма смешаны оба рода влечений — эрос и смерть: одному соответствует физиологический процесс созидания, другому — распада-ния живого вещества. Пока клетка жива — преобладает эрос³⁴.

Когда беспокойный, влекущийся в жизни, эрос удовлетворяется на половом пути, начинает возвышать свой голос влечение к смерти. Отсюда — сходство того состояния, которое следует за полным половым удовлетворением, с умиранием, а у низших животных — совпадение акта оплодотворения со смертью. Они умирают потому, что по успокоении эроса влечение к смерти получает полную свободу и осуществляет свою задачу³⁵.

Эта новая теория Фрейда в своей биологической стороне отражает сильное влияние знаменитого немецкого биолога, неодарвиниста — ВЕЙСМАНА, а в философской — не менее сильное влияние ШОПЕНГАУЭРА.

3 <ИДРАЛ-Я> —1 Второй особенностью третьего периода, на которой «мы остановимся, является расширение состава бессознательного, обогащения его качественно новыми и своеобразными моментами.

Для второго периода было характерно динамическое понимание бессознательного как вытесненного. Преимущественно с ним сталкивался Фрейд в своих психиатрических изысканиях³⁶, специальные же психиатрические интересы в этот период были преобладающими. Вытесненное, состоявшее, как мы видели, главным образом из сексуальных влечений, враждебно нашему сознательному «Я». В своей последней книге «Я и Оно» Фрейд предлагает всю эту область психики, не совпадающую с нашим «Я», называть «Оно». «Оно» — это та внутренняя темная стихия вожделений и влечений, которую мы иногда так остро ощущаем в себе, и которая противостоит нашим разумным доводам и доброй воле. «Оно» — это страсти; «Я» — это разум и рассудительность. В «Оно» нераздельно властвует принцип наслаждения; «Я» — носитель принципа реальности. Наконец, «Оно» — бессознательно.

До сих пор, говоря о бессознательном, мы имели дело толь ко с «Оно»: ведь вытесненные влечения принадлежали именно ему. Поэтому все бессознательное представлялось чем-то низшим, темным, аморальным. Все же высшее, моральное, разумное совпадало с сознанием. Этот взгляд не верен. Бессознательно не только «Оно». И в «Я», и притом в его высшей сфере, есть область бессознательного.

В самом деле, ведь бессознателен исходящий из «Я» процесс вытеснения, бессознательна совершающаяся в интересах «Я» работа цензуры. Таким образом, значительная область «Я» также оказывается бессозна-

³⁴ См. «Я и Оно», стр. 39.

³⁵ Ibid., стр. 47-48.

³⁶ «Патологические изыскания отвлекли наш интерес исключительно в сторону вытесненного», говорит сам Фрейд (ibid., стр. 14).

тельной. На этой области и сосредоточивает свое внимание Фрейд в последний период. Она оказывается гораздо шире, глубже и существеннее, чем казалось вначале. Из того, что мы знаем о бессознательном как вытесненном, можно сделать вывод, что нормальный человек гораздо безнравственнее, чем он сам полагает. Этот вывод верен, но теперь мы должны прибавить, что он и гораздо, нравственнее, чем он сам об этом знает³⁷. «Природа человека, — говорит Фрейд, — как в отношении добра, так и в отношении зла далеко превосходит то, что он сам предполагает о себе, т.е. то, что известно его "Я" при помощи сознательного восприятия» («Я и Оно», стр. 54).

Высшую бессознательную область в «Я» Фрейд называет («Идеал-Я» - Ichideal).

«Идеал-Я» — это прежде всего тот цензор, веления которого выполняются вытеснением. Затем он («Идеал-Я») обнаруживает себя в целом ряде других, очень важных явлений личной и культурной жизни. Оно проявляется в безотчетном чувстве вины, которая тяготеет над душой некоторых людей. Сознание не признает этой вины, борется с чувством виновности, но не может его преодолеть. Это чувство сыграло большую роль в различных проявлениях религиозного изуверства, связанных с мучительством самого себя (аскеза, самобичевание, саможжение и пр.). Далее, к проявлениям «Идеал-Я» относится так называемое «внезапное пробуждение совести», случаи проявления человеком необычайной к себе самому строгости, презрения к себе, меланхолии и пр. Во всех этих явлениях сознательное «Я» принуждено подчиняться силе, действующей из глубины бессознательного, но в то же время моральной, часто даже «гиперморальной», как называет ее Фрейд.

Как образовалась эта сила в душе человека? Как выработался в ней «Идеал-Я»?

Для понимания этого необходимо познакомиться с особым психическим механизмом — «идентификацией» (отождествлением). Влечение человека к какому-нибудь лицу может пойти в двух направлениях. Можно стремиться овладеть этим лицом; так, ребенок в период эдипова комплекса стремится овладеть матерью. Но можно стремиться отождествить себя с ним, совпасть с ним, стать таким же, как он, впитать его в себя. Именно таково отношение ребенка к отцу: он хочет быть как отец, уподобиться ему. Этот второй род отношений к объекту старше: он связан с самой ранней оральной (ротовую) фазой развития ребенка и всего человеческого рода. В этой фазе ребенок (и доисторический человек) не знает другого подхода к объекту, кроме его поглощения; все, что представляется ему ценным, он стремится тотчас же захватить в свой рот и ввести его таким образом в свой организм. Стремление к подражанию является как бы психическим заместителем более древнего поглощения. В жизни человека идентификация за-

³⁷ См. «Я и Оно», стр. 53-54.

меняет иногда нормальное стремление к овладению объектом любви. Так, при неудачной любви, при невозможности овладеть ее объектом, человек как бы впитывает в себя характер того, кого он любит, становится похожим на него, отождествляется с ним³⁸. Идентификацией (отождествлением) объясняется и возникновение «Идеал-Д» в душе человека.

Наибольшее значение для образования «Идеал-Я» имеет отождествление себя с отцом в период переживания эдипова комплекса. Здесь ребенок впитывает в себя отца с его мужеством, с его угрозами, приказаниями, запретами. Отсюда суровые, жесткие тона в «Идеал-Я», в велениях совести, долга, категорического императива и пр. «Ты должен» впервые звучало в душе человека, как голос отца в эпоху эдипова комплекса; вместе с этим комплексом он вытесняется в бессознательное, откуда продолжает звучать как внутренний авторитет долга, как высшее, независимое от «Я», веление совести. К отцовскому голосу в дальнейшем присоединяется авторитет учителей, религии и образования, но эти влияния более поверхностны и сознательны, и поэтому они сами должны заимствовать силу у более ранних самоотождествлений человека с отцом и его волей. «Идеал-Я», — говорит Фрейд, — сохранит характер отца, и чем сильнее был эдипов комплекс, чем стремительнее было его вытеснение..., тем строже впоследствии "Идеал-Я" будет властвовать над "Я", как совесть, а, может быть, и как бессознательное чувство вины».

Таково учение Фрейда об «Идеал-Я».

В заключение настоящей главы укажем, что Фрейд в своей последней книге определяет бессознательное как несловесное; оно превращается в предсознательное (откуда всегда может перейти в сознание) посредством соединения с соответствующими словесными представлениями³⁹. Этому определению Фрейд придает здесь большее значение, чем в своих прежних работах, однако и здесь оно все же остается неразвитым.

На этом мы закончим характеристику бессознательного. Мы знаем теперь его происхождение, знаем и его содержание, но мы не знаем еще самого важного: на каком материале и с помощью каких методов, то есть приемов исследования, добыл Фрейд все эти сведения о бессознательном? Ведь только ответ на этот вопрос позволит нам судить о научной основательности и достоверности всех этих сведений. Этому посвящена следующая глава.

³⁸ См. Фрейд. «Massenpsychologie und Ich-Analyse», 1921 г., стр. 68-77.

³⁹ См. «Я и Оно», стр. 15, 16. Здесь же ссылка Фрейда на более раннюю работу, где впервые было дано это определение.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД

1. КОМПРОМИССНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ. 2. МЕТОД СВОБОДНОГО ФАНТАЗИРОВАНИЯ. 3. СНОТЛОКОВАНИЕ. 4. НЕВРОТИЧЕСКИЙ СИМПТОМ. 5. ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

1. КОМПРОМИССНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Т иногда мы излагали раннюю фрейд-К довскую концепцию бессознатель-А ^ного, мы подчеркнули, что Фрейд не нашел к нему прямого непосредственного доступа, а узнавал о нем через сознание самого больного. То же приходится повторить и об его зрелом методе. Вот как говорит об этом сам Фрейд в своей последней книге:

«Все наше знание постоянно связано с сознанием. Даже бессознательное мы можем узнать только путем превращения его в сознательное» («Я и Оно», стр. 14).

Психологический метод Фрейда сводится к интерпретирующему (истолковывающему) анализу некоторых образований сознания особого рода, которые поддаются сведению к своим бессознательным корням.

Что же это за образования?

Бессознательному, как мы уже знаем, закрыт прямой доступ в сознание и в предсознательное, у порога которого работает цензура. Но все вытесненные влечения не лишаются, как мы тоже уже знаем, своей энергии и потому постоянно стремятся пробиться в сознание.

Они могут это сделать только частично путем компромисса и искажения, с помощью которого они обманывают бдительность цензуры. Искажение и маскировка вытесненных влечений совершается, конечно, в области бессознательного, и уже отсюда они, обманув цензуру, проникают в сознание, где остаются не узнаваемыми. Здесь, в сознании, их и находит исследователь и подвергает анализу.

Все эти компромиссные образования можно подразделить на две группы:

1) патологические образования — симптомы истерии, бредовые идеи, фобии, патологические явления обыденной жизни, как то: забвение имен, обмолвки, описки и пр.;

2) нормальные образования — сновидения, мифы, образы художественного творчества, философские, социальные и даже политические идеи, т.е. вся область идеологического творчества человека.

Границы этих двух групп зыбки: часто трудно бывает сказать, где кончается нормальное и начинается патологическое.

Самое основательное исследование Фрейда посвящено сновидениям. Примененные здесь методы истолкования образов сна стали классическими и образцовыми для всего психоанализа.

В сновидении Фрейд различает два момента: 1) явное содержание сна (manifeste Inhalt) — это образы сновидения, взятые обычно из безразличных впечатлений ближайшего дня, которые мы легко вспоминаем и охотно рассказываем другим; 2) скрытые мысли сна (latente Traumgedanken), боящиеся света сознания и искусно замаскированные образами явного содержания сна; об их существовании сознание часто и не подозревает⁴⁰.

Как проникнуть к этим скрытым мыслям, т.е. как истолковать сновидение?

2. МЕТОД СВОБОДНОГО ФАНТАЗИРОВАНИЯ

Для этого Фрейд предлагает метод «свободного фантазирования» (freie Einfälle) или свободных ассоциаций (freie Assoziationen) по поводу явных образов разбираемого сна. Надо дать полную свободу своей психике, надо ослабить все задерживающие и критикующие инстанции нашего сознания: пусть приходит в голову все что угодно, самые нелепые мысли и образы, не имеющие на первый взгляд никакого отношения к разбираемому сновидению; надо сделаться совершенно пассивным и дать свободный доступ всему, что приходит в сознание, даже если это кажется бессмысленным, лишенным значения или не относящимся к делу; необходимо только стараться улавливать вниманием то, что произвольно возникает в психике⁴¹.

Приступая к такой работе, мы сейчас же заметим, что она встречает сильное сопротивление нашего сознания: рождается какой-то внутренний протест против предпринятого истолкования сна. Этот протест принимает различные формы: то нам кажется, что явное содержание сна и без того понятно и не нуждается ни в каких объяснениях, то, наоборот, мы находим наш сон настолько абсурдным и нелепым, что никакого смысла в нем и быть не может; наконец, мы критикуем приходящие нам в голову мысли и образы и подавляем их в моменты возникновения как случайные и не имеющие отношения к сновидению. Другими словами, мы все время стремимся сохранить и выдержать точку зрения легального сознания, мы ни в чем не хотим отступить от законов, управляющих этой высшей психической территорией.

Для того, чтобы пробиться к скрытым мыслям сна, необходимо преодолеть это упорное сопротивление. Ведь именно оно и есть* та сила, которая в качестве цензуры исказила истинное содержание (скрытые мысли) сна, превратив его в явные образы (в явное содержание) сновидения. Эта сила тормозит и теперь нашу работу; она же — причина легкого и быстрого забвения снов и тех произвольных искажений, которым мы подвергаем их при воспоминании. Но на-

⁴⁰ Фрейд. «Толкование снов», стр. 80 и дал. — Последние иногда называют «остатками дня» (Tagesreste) в силу их отношений к впечатлениям бодрствования.

⁴¹ Ibid., стр. 83-87.

личие сопротивления — очень важный показатель: где оно есть, там бесспорно есть и вытесненное «нецензурное» влечение, стремящееся пробиться в сознание; потому-то и мобилизована сила сопротивления. Компромиссные образования, т.е. явные образы сновидения и замещают это вытесненное влечение в единственно допустимой цензурной форме.

Когда сопротивление во всех его многообразных проявлениях, наконец, преодолено, то проходящие через сознание свободные мысли и образы, по-видимому, случайные и бессвязные, и оказываются звеньями той цепи, по которой можно добраться до вытесненного влечения, т.е. до скрытого содержания сна. Это содержание оказывается замаскированным исполнением желания⁴², в большинстве случаев, но не всегда⁴³, эротического и часто инфантильно-эротического. Образы явного сновидения оказываются замещающими представлениями — символами — объектов желания, или во всяком случае имеют какое-либо отношение к вытесненному влечению.

Законы образования этих символов, замещающих объекты вытесненного влечения, очень сложны. Определяющая их цель сводится к тому, чтобы, с одной стороны, сохранить какую-нибудь, хотя бы отдаленную связь с вытесненным представлением, а с *другой* — принять вполне легальную, корректную, приемлемую для сознания форму. Это достигается слиянием нескольких образов в один смешанный; введением ряда посредствующих образов — звеньев, связанных как с вытесненным представлением, так и с наличным во сне — явным; введением прямо противоположных по смыслу образов; перенесением эмоций и аффектов с их действительных объектов на другие, безразличные подробности сна, превращением аффектов в свою противоположность и т.п.

Такова техника образования символов сновидения.

Какое же значение имеют эти замещающие образы — символы сна? Чем служат эти компромиссы сознания с бессознательным, дозволенного с недозволенным (но всегда желанным)? — Они служат отдушинами для вытесненных влечений, позволяют частично изживать бессознательное и этим очищать психику от накопившихся в глубине ее подавленных энергий.

Творчество символов — частичная компенсация за отказ от удовлетворения всех влечений и желаний организма под давлением принципа реальности; это — компромиссное, частичное освобождение от реальности, возврат в инфантильный рай с его «все позволено» и с его галлюцинаторным удовлетворением желаний. Само биологическое состояние организма во время сна есть частичное повторение внутриутробного положения зародыша. Мы, бессознательно, конечно, снова разыгрываем это состояние, разыгрываем возврат в материнское лоно: мы раздеты, мы укутываемся одеялом, поджимаем ноги, сгибаем шею, т.е. воссоздаем

⁴² Фрейд. «Толкование снов», стр. 101 и след.

⁴³ См. Handwörterbuch, стр. 616.

положение зародыша; организм замыкается от всех внешних раздражений и влияний; наконец, сновидения, как мы видели, частично восстанавливают власть принципа наслаждения.

[3. СНОТОЛКОВАНИЕ | Поясним все сказанное на примере анализа М сна, произведенного самим Фрейдом⁴⁴.

Сновидение принадлежит человеку, потерявшему много лет тому назад своего отца. Вот явное содержание (manifestes Inhalt) этого сна:

«Отец умер, но был выкопан и выглядит плохо. После того он продолжает жить, и видевший сон делает все, что в его силах, чтобы покойник не заметил этого». Далее сновидение переходит на другие явления, по видимому, не имеющие ничего общего с этим вопросом.

Отец умер, это мы знаем. Что он был выкопан, — не соответствует действительности, которую не приходится принимать во внимание и по отношению ко всему последующему. Но видевший сон рассказывает, что когда он вернулся с похорон отца, у него разболелся зуб. Он хотел поступить с этим зубом по предписанию еврейского религиозного учения: «Если тебя беспокоит зуб, то вырви его», и отправился к зубному врачу. Тот, однако, сказал: «Этот зуб не следует вырывать, нужно только немного потерпеть. Я положу кое-что, чтобы убить нерв, через три дня приходите опять, я выну то, что положил».

«Это вынимание, — сказал вдруг видевший сон, — это и есть выкапывание».

«Неужели он прав? Правда, это не совсем так, а только приблизительно, потому что самый зуб не извлекается, а из него только вынимается что-то, что омертвело. Но подобные неточности можно допустить по отношению к работе сновидений на основании того, что нам известно из других анализов. В таком случае видевший сон сгустил, слил воедино умершего отца и убитый, но все же сохраненный, зуб. И нет ничего удивительного в том, что в явном содержании сна получилось нечто бессмысленное, ибо не может же подходить к отцу все, что можно сказать о зубе. Но в чем состоит это *tertium comparationis*⁴⁵ между зубом и отцом, которое делает возможным сгущение?»

«Ответ на это дает сам видевший сон. Он рассказывает, что, как ему известно, если видишь во сне выпадение зуба, то это означает, что кто-нибудь умрет в семье».

«Мы знаем, что это популярное толкование неверно, или, по крайней мере, верно только в шуточном смысле. Тем более поражает нас то обстоятельство, что развивающаяся таким образом тема скрывается и за другими отрывками содержания сновидения».

«Видевший сон без дальнейших расспросов начинает рассказывать о болезни и смерти отца и о своих к нему отношениях. Отец был долго болен, уход и лечение больного стоили ему, сыну, много денег. И, тем

⁴⁴ Фрейд. «Лекции по введению в психоанализ». Т 1, стр. 195 и след.

⁴⁵ Третье понятие, служащее основой для сравнения двух понятий.

не менее, ему ничего не было жалко, он никогда не терял терпения, у него никогда не являлось желание, чтобы все поскорее окончилось. Он хвалится, что проявлял по отношению к отцу истинно еврейский пиетет и строго выполнял все требования еврейского закона».

«Однако, не бросается ли нам в глаза противоречие в мыслях, относящихся к сновидению? Он отождествил отца с зубом. По отношению к зубу он хотел поступить по еврейскому закону, гласящему, что зуб нужно вырвать, если он причиняет беспокойство и боль. Но и по отношению к отцу он хотел поступить согласно, предписанию закона, который, однако, в этом случае требует, чтобы не обращать внимания ни на беспокойство, ни на издержки, всю тяжесть взять на себя и не допускать никаких неприязненных мыслей по отношению к причиняющему боль объекту. Разве сходство не было бы гораздо более несомненным, если бы он действительно проявил по отношению к больному отцу такие же чувства, как по отношению к больному зубу, т.е. желал бы, чтобы скорая смерть положила конец его излишнему страдальческому существованию?»

«Я не сомневаюсь, что таким именно и было его отношение к отцу во время длительной болезни и что хвастливые уверения в его богобоязненном пиетете клонились к тому, чтобы отвлечь внимание от этих воспоминаний. При таких условиях обыкновенно появляется желание смерти по отношению к тому, кто причиняет нам все эти страдания, и это желание скрывается под маской мысли сострадания, например: это было бы для него только спасением. Но заметьте, что в данном случае в самых скрытых мыслях сновидения мы перешагнули через какую-то границу. Первая часть их, несомненно, была бессознательна только временно, т.е. только в период образования сновидения. Но враждебные душевные движения против отца, вероятно, накоплялись в «бессознательном» пациента еще с детских лет, а во время болезни отца, замаскировавшись, иной раз робко проскальзывали в сознание. С еще большей уверенностью мы можем утверждать это относительно других скрытых мыслей, которые, несомненно, принимают участие в содержании сновидения. Правда, в сновидении нельзя найти ничего, что говорило бы о враждебных чувствах к отцу. Но если мы проследим до корней подобные враждебные чувства к отцу в детской жизни, то вспомним, что страх перед отцом является потому, что отец уже с самых ранних лет противится сексуальным проявлениям мальчика (эдипов комплекс — *V.B.*). Такое же положение обыкновенно повторяется снова по социальным мотивам в возрасте после наступления половой зрелости. Подобное отношение к отцу имеется и у лица, видевшего данный сон: в его любви к отцу было примешано немало уважения и страха, происходившего от раннего запугивания вследствие сексуальных проявлений».

«Дальнейшие положения явного сновидения объясняются комплексом онанизма (совокупность переживаний, связанных с детским онанизмом — *V.B.*). "Он плохо выглядит", — это как будто бы относится к словам зубного врача, что плохо выглядишь, когда теряешь зуб на этом

месте. Но в то же время это относится и к плохому виду, благодаря которому молодой человек выдает себя, или опасается, чтобы не обнаружили его половые излишества в период наступления половой зрелости. Видевший сон не без облегчения для самого себя перенес этот плохой вид с себя на отца, — случай довольно частый в работе сновидения⁴⁶. "После того он продолжает жить", — покрывается желанием воскресить отца, как и обещанием зубного врача, что зуб уцелеет. Но особенно ловко составлено предложение: «видевший сон делает »се, что в его силах, чтобы он (отец) этого не заметил». — с таким расчетом, чтобы вызвать в нас желание дополнить/что он умер. Но единственно разумное дополнение вытекает из комплекса — онанизма, где само собою разумеется, что юноша делает все, что может, чтобы скрыть от отца проявление своей половой жизни».

«Вы-видите теперь, как сложилось это непонятное сновидение. Произошло странное и приводящее в заблуждение сгущение: все образы этого сна исходят из скрытых мыслей и сложились в двусмысленное, замещающее образование»...

Так производится психоаналитическое толкование снов. Метод свободного фантазирования и в данном случае позволил вскрыть все те промежуточные образования — больной зуб и необходимость его удаления — которые соединяют явные образы сновидения — одец выкошан из могилы — с вытесненным бессознательным влечением — инфантильным желанием устранения отца. Скрытые мысли этого сна — вражда к отцу и жажда его устранить — настолько замаскированы в явных образах сновидения, что это последнее вполне удовлетворяет самым строгим моральным требованиям сознания. Вероятно, пациент Фрейда не без труда мог согласиться с подобным толкованием его сна.

Этот сон интересен тем, что его скрытые мысли (т.е. тайные желания) дают выход вражде к отцу, накопившейся в «бессознательном» на протяжении всей жизни пациента. Сон сгущает бессознательные враждебные влечения трех эпох его жизни — эдипова комплекса, периода полового созревания (комплекс онанизма) и, наконец, периода болезни и смерти отца. Во всяком случае, в этом сне зонд анализа проникает до самого его дна — инфантильных влечений эдипова комплекса.

⁴⁶ НЕВРОТИЧЕСКИЙ СИМПТОМ — 1 Те же методы применяет Фрейд и при анализе других видов компромиссных образований и прежде всего при исследовании патологических симптомов различных нервных заболеваний.

Ведь и к толкованию снов Фрейд пришел, исходя из потребностей психиатрии и пытаясь использовать сон как симптом. Если метод был

⁴⁶ Процесс, при котором скрытые мысли сна переходят в явное содержание сна и вскрытый при помощи толкования Фрейда, называется работой сновидения. — Прим. ред.

разработан, отшлифован и отточен на анализах снов, то главным материалом для выводов о бессознательном и его содержании послужили, конечно, симптомы нервных заболеваний.

Углубляться хоть сколько-нибудь в эту интересную, но специальную область мы, конечно, не можем. Ограничимся поэтому лишь несколькими словами о психиатрическом применении фрейдовского метода.

На психоаналитическом сеансе больной должен сообщать врачу все то, что приходит ему в голову по поводу симптомов и обстоятельств его болезни. Главная задача при этом, как и при снотолковании, — преодолеть сопротивление, которое оказывает сознание больного. Но это сопротивление в то же время служит для врача важным указанием: где оно особенно бурно прорывается в душе больного, там именно и находится его «больное место», которое должно стать главным участком работы врача. Ведь мы уже знаем: где сопротивление, там и вытеснение. Задача врача — докопаться до вытесненных комплексов в душе больного, так как корень всех нервных заболеваний — в неудачном вытеснении какого-нибудь особенно сильного инфантильного комплекса пациента (чаще всего эдипова). Вскрыв комплекс, нужно дать ему, так сказать, рассосаться в сознании больного. Для этого больной прежде всего должен акцептировать (признать) комплекс, а затем с помощью врача всесторонне изжить его, т.е. превратить неудавшееся стихийное вытеснение (*Verdrängung*) этого комплекса в сознательное разумное осуждение (*Verurteilung*) его. Таким путем достигается излечение.

5. ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

Психоаналитический метод применен Фрейдом к целому ряду очень распространенных обыденных жизненных явлений — к обмолвкам, опискам, забвению слов и имен и пр. Все они при анализе оказались компромиссными образованиями такого же типа, как сновидения и патологические симптомы. Этим явлениям * посвящена работа Фрейда: «Психопатология обыденной жизни». Остановимся на нескольких примерах из этой области.

Председатель австрийской законодательной палаты однажды открыл заседание словами: «Господа, я признаю наличие законного числа членов и потому объявляю заседание закрытым».

Он должен был сказать, конечно, «открытым». Чем же объясняется такая обмолвка? Это заседание не сулило ему ничего хорошего: он в глубине души желал бы видеть его уже закрытым. И вот это желание, в котором он, разумеется, никогда бы не признался, перебивает — помимо воли и сознания — ход его речи и производит искажение ее⁴⁷.

Другой пример:

Один профессор во вступительной речи собирался сказать: «я не в силах (*Ich bin nicht geeignet*) оценить все заслуги моего уважаемого предшественника», но вместо этого он заявил: «я не склонен (*Ich bin nicht*

⁴⁷ См. «Психопатология обыденной жизни».

geneigt) оценить все заслуги», и т. д. Таким образом, вместо слова «geeignet» (неспособен), он по ошибке употребил очень на него похожее по звуку слово geneigt (не склонен). Смысл получился совсем другой, но как раз выражал бессознательное недоброжелательство профессора к своему предшественнику по кафедре.

Сходные процессы совершаются в случаях забвения каких-нибудь слов или собственных имен. Когда мы пытаемся вспомнить какое-нибудь забытое нами название, в нашем сознании всегда всплывают какие-нибудь другие имена или мысли, имеющие то или иное отношение к забытому названию. Эти произвольно всплывающие имена и мысли аналогичны замещающим образам сна. С их помощью мы можем добраться до забытого. В таких случаях всегда оказывается, что причиной забвения было какое-нибудь неприятное нам воспоминание, по ассоциации связанное с забытым названием. Оно-то и увлекло в «пропасть забвения» это ни в чем не повинное название. Вот один из таких случаев, приведенный Фрейдом. «Однажды, — рассказывает он, — один незнакомый господин пригласил меня в гостинице выпить с ним стакан итальянского вина. Но оказалось, что он забыл название вина, которое хотел потребовать, т- забыл только потому, что оно было для него особенно достопамятным. Из большого числа отдельных "заменяющих" мыслей, которые у него всплыли вместо забытого названия, я мог сделать заключение, что название вина забыто им благодаря какой-то Гедвиге. Он не только подтвердил, что впервые пил это вино в обществе женщины, носившей имя Гедвиги, но благодаря этому воспоминанию сейчас же вспомнил и название вина. В то время, когда это происходило, он был женат и счастлив в браке, а эта Гедвига относилась к поре его холостой жизни, о которой он неохотно вспоминал»⁴⁸.

Таким образом, та же знакомая нам психическая динамика борьбы и компромиссов сознания с бессознательным проникает собою, по Фрейду, все эти простейшие явления обыденной жизни.

Дальнейшей областью применения психоаналитического метода являются идеологические образования в собственном узком смысле слова: мифы, искусство, философские идеи и, наконец, социальные и политические явления. О них — в следующей главе.

⁴⁸ Фрейд. «Лекции по введению в психоанализ», стр. 115.

ФРЕЙДИСТСКАЯ философия культуры

1. КУЛЬТУРА И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. 2. МИФ И РЕЛИГИЯ. 3. ИСКУССТВО.
4. ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. 5. ТРАВМА РОЖДЕНИЯ.

1. КУЛЬТУРА и БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ | 1^{***}% се идеологическое творчество, со-
1-С гласно учению ФРЕЙДА, вырастает
| *JLJu*, тех же психоорганических

корней, что и сновидение и патологический симптом; к этим корням могут быть сведены без остатка как состав, так и форма и содержание его. Каждый момент идеологического построения строго детерминирован биопсихологически. Он — компромиссный продукт борьбы сил внутри организма, показатель достигнутого в этой борьбе равновесия сил или перевеса одной над другой. Подобно невротическому симптому или бредовой идее, идеологическое построение черпает силы из глубин бессознательного, но в отличие от патологических явлений включает более прочное и устойчивое компромиссное соглашение между сознанием и бессознательным, одинаково выгодное для обеих сторон, а потому и благодетельное для человеческой психики⁴⁹.

В фрейдистской философии культуры мы встречаемся со всеми уже хорошо нам знакомыми «психическими механизмами», и потому рассмотрение ее займет немного времени.

2. Миф и РЕЛИГИЯ | Создание мифологических об-
{ разов совершенно аналогично работе
сна. Миф — это коллективный сон народа. Образы мифа — замещающие символы вытесненных в бессознательное влечений. Особенно большое значение в мифологии имеют мотивы, связанные с переживанием и вытеснением эдипова комплекса. Известный греческий миф о пожирании Кроносом своих детей, о кастрации и убийстве Кроноса Зевсом, которого мать спасла, спрятав на время в своем чреве (возврат в материнское лоно), — один из типичнейших примеров этого рода. Происхождение всех символов этого мифа из эдипова комплекса совершенно ясно. К той же группе относится распространеннейшее у всех народов сказание о борьбе отца с сыном: борьба Гильдебранда с Гудибрандом в германском эпосе, Рустема и Зораба — в персидском, Ильи Муромца с сыном — в наших былинах — все это вариации одной и той же вечной темы: борьбы за обладание матерью.

Религиозные системы гораздо сложнее. Здесь, рядом с вытесненными комплексами сексуальных влечений очень большую роль играет бессознательное «Идеал-Я». И для развития религиозных идей и культов питающею почвою является все тот же эдипов комплекс. В зависимости от

⁴⁹ Фрейдист Юнг указывает на ряд удивительных совпадений между фантазиями больного Dementia praecox (юношеским слабоумием) и мифами первобытных народов. — Прим. ред.

того, какой именно момент получает преобладание в религиозных переживаниях — тяга ли к матери, или запреты и воля отца («Идеал-Я»), религии подразделяются фрейдизмом на материнские и отцовские. Типичные примеры¹ первых — восточные религии — Астарты, Ваала и др. Наиболее чистым выражением отцовской религии является иудаизм с его запретами, заповедями и, наконец, обрезанием (символ запрета, налагаемого отцом на инцестуозные влечения сына).

Переходим к искусству.

3. ИСКУССТВО

1 Сам Фрейд применил метод толкования снов и симптомов прежде всего к эстетическим явлениям шутки и остроты⁵⁰.

Формою острот управляют те же законы, которые созидают формальную структуру образов сна, т.е. законы образования замещающих представлений: тот же механизм обхода легального путем слияния представлений и слов, замены образов, словесной двусмысленности, перенесения значения из одного плана в другой, смещение эмоций и пр.

Тенденция шутки и остроты — обойти реальность, освободить от серьезности жизни и дать выход вытесненным инфантильным влечениям, сексуальным или агрессивным.

Сексуальные остроты родились из непристойности как ее эстетическая замена. Что такое непристойность? — Суррогат сексуального действия, полового удовлетворения. Непристойность рассчитана на женщину, на ее присутствие, хотя бы воображаемое. Она хочет приобщить женщину к сексуальному возбуждению. Это — прием соблазна. Называние непристойных предметов есть суррогат их видения, показывания или осязания. Облачившись в форму остроты, непристойность еще более маскирует свою тенденцию, делает ее приемлемее для культурного сознания. Хорошая шутка нуждается в слушателе; цель ее — не только обойти запрет, но и подкупить этого слушателя, подкупить смехом, создать в смеющемся союзника и этим как бы социализировать грех.

В агрессивных острогах находит себе освобождение, под прикрытием художественной формы, инфантильная вражда ко всякому закону, установлению, государству, браку, на которые переносится бессознательное отношение к отцу и отцовскому авторитету (эдипов комплекс) и, наконец, враждебность ко всякому другому человеку (инфантильное самодовление).

Таким образом и острота только отдушину для подавленных энергий бессознательного, т.е. и она служит в конечном счете этому бессознательному и им управляется. Его нужды создают форму и содержание остроты.

Работ, посвященных специально вопросам искусства, у самого Фрейда больше нет. Дальнейшую разработку этой области производили уже его ученики, главным образом — ОТТО РАНК.

⁵⁰ Freud. «Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten» (1921). III. Auflage. Есть русский перевод.

Всякий художественный образ, по мнению фрейдистов, писавших об искусстве, всегда апеллирует к бессознательному, но в такой форме, что обманывает и успокаивает сознание. Это благодетельный обман: он позволяет изживать общечеловеческие комплексы, не создавая тяжелых конфликтов с сознанием.

Особенно большое значение во всех видах искусства имеют эротические символы. За самым, по-видимому, невинным и привычным художественным образом оказывается, если его расшифровать, какой-нибудь эротический объект. Укажем на один пример, взятый из области русской литературы. Московский профессор ЕРМАКОВ применил психоаналитический метод к истолкованию знаменитой повести Гоголя «Нос». «Нос» оказывается, по Ермакову, замещающим символом penis'a (мужского полового органа); в основе всей темы потери носа и отдельных мотивов ее разработки лежит так называемый «кастрационный комплекс», тесно связанный с эдиповым комплексом (угрозы отца): страх потери penis'a или половой потенции³¹.

Умножать примеры мы считаем излишним.

Но не только из бессознательного «Оно» черпает свои силы искусство, — его источником может стать и бессознательное «Идеал-Я». Так, бессознательное чувство виновности — один из основных мотивов Достоевского; жестокая этическая требовательность к человеку — у Толстого позднего периода — и другие, родственные мотивы из сферы «Идеал-Я» могут питать художественное творчество, хотя наибольшее значение эти мотивы получают не в искусстве, а в философских построениях.

Таким образом, вся содержательная сторона в искусстве выводится из индивидуально-психологических предпосылок; она отражает игру психических сил в индивидуальной душе человека. Для отражения объективного социально-экономического бытия с его силами и конфликтами — не остается места. Там же, где мы в искусстве встречаем образы, заимствованные из мира социальных и экономических отношений, то и эти образы имеют только замещающее значение: за ними непременно кроется, как и за носом майора Ковалева, какой-нибудь индивидуальный эротический комплекс.

Что же касается вопросов художественной формы и ее техники, то психоаналитики или вовсе обходят их молчанием, или объясняют форму с точки зрения старого принципа — наименьшей затраты сил. Формально художественно то, что требует от созерцающего минимальной траты энергии при максимальном результате. Этот принцип экономии (правда, в более тонкой форме) применен и Фрейдом при анализе техники острот и анекдотов.

4. Ψ > мы
СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Теперь необходимо вкратце остановиться на психоаналитической теории происхождения социальных форм. Осно-

³¹ Проф. Ермаков. «Очерки по психологам гоголевского творчества».

вам этой теории посвящена одна из поздних книг Фрейда «*Massenpsychologie und Ich-Analyse*».

В центре всего этого психосоциологического построения находится уже знакомый нам механизм идентификации и бессознательная область «Идеал-Я».

Мы видели, что «Идеал-Я» (совокупность бессознательных требований, велений долга, совести и пр.) образуется в душе человека *путем* идентификации (самоотождествления) с отцом и другими, недостижимыми для овладения объектами его ранней любви. Есть важная область проявления «Идеал-Я», о которой нам до сих пор не приходилось еще говорить. Общеизвестно, что влюбленный человек в большинстве случаев склонен наделять любимый им объект всевозможными достоинствами и совершенствами, которыми на самом деле этот объект не обладает. Мы говорим в таких случаях, что человек идеализирует предмет своей любви. Этот процесс идеализации бессознателен: ведь сам любящий совершенно убежден, что все эти достоинства действительно принадлежат самому объекту, и не подозревает о субъективном характере совершающегося только в его душе процесса идеализации. Далее, идеализировать можно не только предмет сексуальной любви в узком смысле слова; мы часто идеализируем нашего учителя, начальника, любимого писателя или художника (переоцениваем его достоинства и не видим его недостатков); можно идеализировать, наконец, даже какое-нибудь учреждение или идею. Одним словом, область возможной идеализации очень широка.

Каков же психический механизм идеализации? Мы можем сказать, что процесс идеализации обратен образованию «Идеал-Я»: там мы вбирали в себя объект, обогащали им свою душу, здесь, наоборот, мы вкладываем в объект часть себя самого, именно свое «Идеал-Я», — мы обогащаем объект, обедняя себя. При обычной эротической влюбленности этот процесс в большинстве случаев бывает неполным. Но если мы целиком отчуждаем свое «Идеал-Я» в пользу объекта или, другими словами, ставим внешний объект на место «Идеал-Я», мы лишаем себя всякой возможности противостоять воле и власти этого объекта. В самом деле, что можем мы ему противопоставить? Ведь он занял место нашего «Идеал-Я», место критикующей инстанции в нас, место нашей совести! Воля такого авторитета — непререкаема. Так образуется авторитет и власть вождя, священника, государства, церкви⁵².

Таким образом, голос отца, в период эдипова комплекса вошедший внутрь человека и ставший внутренним голосом его совести, — теперь, путем обратного процесса, снова выносится во вне и становится голосом внешнего авторитета, непререкаемого и суевренно почитаемого⁵³.

⁵² «*Massenpsychologie und Ich-Analyse*», стр. 81 (1921 г.).

⁵³ *Ibid.*, стр. 83.

На этом же процессе замещения «Идеал-Я» личностью другого человека основаны, по Фрейду, и явления гипноза. Гипнотизер завладевает «Идеал-Я» пациента, становится на место этого «Идеал-Я» и оттуда легко управляет слабым сознательным «Я» человека.

Но, конечно, этим индивидуальным отношением человека к носителю авторитета — вождю, жрецу и пр. социальная организация еще не исчерпывается. Ведь кроме этого отношения существует еще тесная социальная спайка между всеми членами племени, церкви, государства. Чем же она объясняется? — Тем же механизмом идентификации. Благодаря тому, что все члены племени перенесли свое «Идеал-Я» на один и тот же объект (на вождя), им не остается ничего другого, как взаимоотождествиться, стать равными друг другу, нивелировать свои различия. Так образуется племя.

Вот резюмирующее определение самого Фрейда: примитивная масса (коллектив) есть совокупность индивидов, которые на место своего «Идеал-Я» поставили один и тот же внешний объект и, вследствие этого, взаимоотождествили свои «Я»⁵⁴.

Как видит читатель, и социальная организация по Фрейду вполне объясняется психическими механизмами. Психические силы создают отношение, формируют его, дают ему прочность и длительность. Борьба же с установившимся общественным авторитетом, социальная и политическая революция в большинстве случаев имеют свои корни в «Оно»: это восстание «Оно» против «Идеал-Я», точнее, против замещающего его внешнего объекта. Наименьшее значение во всех областях культурного творчества имеет наше сознательное «Я». Это «Я» отстаивает интересы реальности (внешнего мира), с которыми оно пытается примирить вождения и страсти «Оно»; сверху же на него давит «Идеал-Я» со своими категорическими требованиями. Таким образом, сознательное «Я» служит трем враждующим между собой господам (внешнему миру, «Оно» и «Идеал-Я») и старается примирить постоянно возникающие между ними конфликты. В культурном творчестве «Я» играет формальную и полицейскую роль, — пафос, силу и глубину культуры создают «Оно» и «Идеал-Я».

5. ТРАВМА РОЖДЕНИЯ

Тенденции, заложенные в последнем периоде развития фрейдизма, как мы уже указывали, нашли наиболее крайнее и резкое выражение в книге ОТТО РАНКА — «Травма рождения». Это как бы синтез фрейдистской философии культуры. На ней мы и должны остановиться в заключение.

Нужно отметить, что Ранк — любимый ученик Фрейда и считается самым ортодоксальным фрейдистом. Книга посвящена учителю и преподнесена ко дню его рождения. Признать ее случайным явлением никак нельзя. Она вполне выражает дух фрейдизма наших дней.

⁵⁴ «Massenpsychologie und Ich-Analyse», стр. 87-88.

Вся жизнь человека и все его культурное творчество является, по Ранку, не чем иным, как изживанием и преодолением на различных путях и с помощью различных средств травмы рождения.

Рождение человека в мир травматично: организм, вытолкнутый в процессе родов из материнского лона, переживает страшное и мучительное потрясение, равным которому будет только потрясение смерти. Ужас и боль этой травмы есть и начало человеческой психики, это — дно души. Страх рождения становится первым вытесненным переживанием, к которому затем стягиваются последующие вытеснения. Травма рождения — корень бессознательного и вообще психического. Избывть ужас рождения человек не может во всей последующей жизни.

Но вместе с ужасом рождается и тяга назад, — в пережитый рай внутриутробного состояния. Эта жажда возврата и этот страх — основа того двойственного отношения, которое испытывает человек к материнскому лону. Оно и влечет к себе, оно и отталкивает. Эта «травма рождения» определяет задачу и смысл как личной жизни, так и культурного творчества.

Внутриутробное состояние характеризуется отсутствием разрыва между потребностью и ее удовлетворением, т.е. между организмом и внешней реальностью: ведь внешний мир в собственном смысле для зародыша не существует — это организм матери, непосредственно продолжающий его собственный организм. Все характеристики рая и золотого века в мифах и сагах, характеристики будущей мировой гармонии в философских системах и религиозных откровениях и, наконец, социально-экономический рай политических утопий — явно выдают черты своего происхождения из этой же тяги к внутриутробной жизни, однажды пережитой человеком. В основе их лежит смутная, бессознательная память о действительно бывшем рае, поэтому-то они так сильно действуют на душу человека; они не выдуманы, но их правда не в будущем, а в прошлом каждого человека. Правда, ворота рая охраняет суровый страж, — ужас рождения, который не позволяет памяти пробудиться до конца и заставляет облекать тягу к материнскому лону в различные замещающие образы и символы.

Травма рождения воспроизводится в болезненных симптомах: в детском страхе, в неврозах и психозах взрослых. Здесь она потрясает тело больного, непродуктивно повторяя (конечно, в ослабленной форме) действительное потрясение, пережитое в момент рождения. Но при этом травма не изживается. Действительное преодоление травмы возможно только на путях культурного творчества. Ранк определяет культуру как совокупность усилий превратить внешний мир в замену, в суррогат (Ersatzbildung) материнского лона.

Вся культура и техника символичны. Мы живем в мире символов, которые, в последнем счете, знаменуют одно — материнское лono

(собственно uterus) и пути в него. Что такое пещера, в которую забивался первобытный человек? Что такое комната, в которой мы чувствуем себя уютно? Родина, государство и пр.? — Все это только суррогаты и символы оберегающего материнского лона.

Ранк пытается показать путем анализа архитектурных форм их скрытое сходство с uterus'ом. Формы искусства он выводит из того же источника — травмы рождения; так — архаические статуи с их скрюченными, сидячими телами недвусмысленно выдают положение зародыша. Только греческий человек пластики — атлет, свободно играющий во внешнем мире — знаменует преодоление травмы. Греки первые умели чувствовать себя хорошо во внешнем мире: у них не было тяги в темноту и уют внутриутробного состояния. Они разрешили загадку сфинкса, которая, по Ранку, есть именно загадка рождения человека.

Все творчество, таким образом, обусловлено как со стороны формы, так и со стороны содержания актом рождения в мир. Но наилучшим суррогатом рая, наиболее полной компенсацией травмы рождения является, по Ранку, сексуальная жизнь. Coitus — есть частичный возврат в uterus.

Смерть, по Ранку, тоже воспринимается человеком как возврат в uterus. Страх же, связанный с мыслью о смерти, повторяет ужас рождения. Древнейшие формы погребения: зарывание в землю («мать-земля»), сидячее положение покойника с поджатыми ногами (положение зародыша), погребение в лодке (намек на uterus и околоплодную жидкость), формы гроба, наконец, связанные с погребением обряды — все это выдает бессознательное понимание смерти как возврата в материнское лono. Греческий способ сжигать трупы также знаменует наиболее удачное преодоление травмы рождения. Последние судороги агонии, по мнению Ранка, точно повторяют первые судороги рождающегося организма.

Методы Ранка в этой работе совершенно субъективны. Он не пытается дать объективного физиологического анализа травмы рождения и ее возможного влияния на последующую жизнь организма. Он ищет только воспоминания о травме в снах, в патологических симптомах, в мифах, искусстве, философии.

Характерно понимание Ранком психоаналитических сеансов как воспроизведения акта рождения (самое психоаналитическое пользование тянется нормально около 9 месяцев): сначала libido больного прикрепляется к врачу; полутемный кабинет (в освещенной части находится только больной, врач — в полумраке) изображает для больного uterus матери. Конец лечения воспроизводит травму рождения: больной должен освободиться от врача и этим отреагировать свое травматическое отделение от матери, так как травма рождения — последний источник всех нервных заболеваний.

На этом мы можем закончить изложение фрейдизма. Переход к критической части нашей работы прекрасно подготовлен книгой Ранка. Это — великолепное *reductio ad absurdum* некоторых сторон фрейдизма.

КРИТИКА ФРЕЙДИЗМА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ФРЕЙДИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. ФРЕЙДИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ. 2. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ СОСТАВ ПСИХИКИ И «БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО», 3. СУБЪЕКТИВИЗМ ПСИХИЧЕСКОЙ «ДИНАМИКИ». 4. КРИТИКА ТЕОРИИ ЭРОГЕННЫХ ЗОН. 5. ФРЕЙДИЗМ И БИОЛОГИЯ.

Т * ————— и "Во второй главе нашей книги мы оха-
I. ФРЕЙДИЗМ и г-^рактеризовали два основных направ-
СОВРЕМЕННАЯ психология LJ ... современной психологии —
субъективное и объективное. Теперь мы должны постараться
дать точный и обстоятельный ответ, к какому из этих на правлений
нужно отнести фрейдизм¹.

Сам Фрейд и фрейдисты полагают, что они совершили коренную ре-
форму старой психологии, что ими заложено основание совершенно но-
вой, объективной науки о психическом.

К сожалению, ни Фрейд, ни фрейдисты никогда не попытались выяс-
нить сколько-нибудь точно и подробно свое отношение к современной
им психологии и практикующимся в ней методам. Это — большой не-
достаток фрейдизма. Психоаналитическая школа, подвергшаяся сначала
дружной травле всего ученого мира, замкнулась в себя и усвоила не-
сколько сектантские навыки работы и мышления, не совсем уме-
стные в науке. Фрейд и его ученики цитируют только себя и ссылаются
только друг на друга; в более позднее время начали цитировать еще
Шопенгауэра и Ницше. Весь остальной мир для них почти не существу-
ет². *

¹ Критическая литература о Фрейде невелика. Кроме уже названных нами работ ука-
жем: Dr. Maag. «Geschlechtsleben und seelische Störungen» (Beiträge zur Kritik der
Psychoanalyse), 1924; Otto Hinrichsen. «Sexualität und Dichtung». 1912; Edgar
Michaelis. «Die Menschheits-Problematik der Freudschen Psychoanalyse. Urbiid und
Maske», Leipzig, 1925.

² Нужно сказать, что и официальная наука до сих пор не вполне легализовала фри-
дизм, а в академических философских кругах говорить о нем считается даже дурным тоном.
См. Witel's. «Z. Freud, der Mann, die Schale, die Lehre» (1924). Есть русский перев. с
пред. проф. Рейснера в изд. ГИЗ'а. В вышедшем в 1923 г. обзоре немецкой философии в

Итак, Фрейд ни разу не сделал серьезной попытки сколько-нибудь подробно и обстоятельно размежеваться с другими психологическими направлениями и методами: неясно его отношение к интроспективному методу (самонаблюдение), к лабораторно-экспериментальному, к вюрцбургской школе (МЕССЕР и др.), к функциональной психологии (ШТУМПФ и др.), к дифференциальной психологии (В.ШТЕРН)³ и, наконец, к новым попыткам объективных методов так называемого американского behaviorism'a (бихевиоризм — психология как наука о поведении). Невьясненной остается и позиция Фрейда в знаменитом споре, волновавшем его современников-психологов и философов, о психофизическом параллелизме и психофизической причинности⁴.

Когда Фрейд и его ученики противопоставляют свою концепцию психического всей остальной психологии — увы, не давая себе даже труда дифференцировать эту остальную психологию, — они обвиняют ее в одном: в отождествлении психического и сознательного. Для психоанализа же сознательное — только одна из систем психического⁵.

Может быть, это отличие психоанализа от остальной психологии действительно настолько велико, что между ними уже не может быть ничего общего, не может быть даже того минимума общего языка, который необходим для сведения счетов и для размежевания? — Фрейд и его ученики, по-видимому, в этом убеждены.

Но так ли это?

Увы, на самом деле фрейдизм перенес в свои построения все основные пороки современной ему субъективной психологии. В этом легко убедиться, надо только не дать себя обмануть его сектантской, но в общем яркой и меткой терминологией.

2. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ СОСТАВ ПСИХИКИ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Прежде всего фрейдизм догматически усвоил старое, идущее от ТЕТЕНСА и, благодаря КАНТУ, ставшее общепринятым, разделение душевных явлений на волю (желания, стремления), чувство (эмоции, аффекты) и познание (ощущения, представления, мысли); притом он сохраняет те же определения этих способностей, какие были в ходу в психологии его времени и, как мы видим, ту же их дифференциацию. В самом деле, если мы обратимся к элементарному составу психики, как ее мыслит фрейдизм, то увидим, что она складывается

XX веке Вилли Моог'а Фрейд и психоанализ совсем не упоминаются, а в обзоре Meyer-Frienfels'a только мельком в нескольких строках.

³ Все это — современные первому и второму периоду развития фрейдизма направления субъективной психологии.

⁴ Сам Фрейд допускает психофизическую причинность, но в то же время на каждом шагу выдает навыки параллелиста; кроме того, весь его метод базируется на скрытой, невысказанной предпосылке, что всему телесному можно подыскать соответствующий психический эквивалент (в бессознательной психике), а потому и можно отбросить непосредственно телесное, работая только с его психическими заместителями.

⁵ См. «Снотолкование», стр. 440-448, и «Я и Оно», стр. 7-12.

из ощущений, представлений, желаний и чувств, т.е. из тех же самых элементов, из которых строилась и «душевная жизнь» старой психологии. Далее, уже совершенно не критически все эти психические элементы, и притом, в их обычном, ходячем значении, переносятся Фрейдом в область бессознательного: и в нем мы находим желания, чувства, представления.

Но ведь эти элементы психической жизни существуют только для сознания. Ведь разложение психики на элементарные компоненты производилось старой психологией при помощи обычного метода самонаблюдения, который — как это утверждает и сам Фрейд — совершенно не способен в своей обычной форме вывести нас за пределы «официального сознания».

Самонаблюдение, действительно, сплошь сознательно. Даже сами психологи-субъективисты в лице некоторых своих крупных представителей еще задолго до Фрейда утверждали, что самонаблюдение с одной стороны пристрастно (не может освободиться от оценок), а с другой — слишком рационализирует психическую жизнь, и потому его показания нуждаются в существенной переработке. Но во всяком случае самонаблюдение возможно только с точки зрения сознания. Другой точки зрения старая психология и не знала, и потому отождествляла психическое с сознательным.

Таким образом ясно, что расчленение психики на элементы чувства, воли и знания было продиктовано старой психологией не кем иным, как сознанием. Точка зрения сознания являлась руководящей при заложении этих основ субъективной психологии.

Но имеем ли мы право строить бессознательное по аналогии с сознанием и предполагать в нем точно такие же элементы, какие мы находим в сознании? — Ничто нам не дает такого права. Отбросив сознание, становится совершенно бессмысленным сохранять чувства, представления и желания.

Когда человек субъективно сознательно мотивирует свои собственные поступки, он, конечно, не может обойтись без ссылки на свои желания, чувства и представления; но когда мы начнем анализировать эти поступки объективно, стараясь последовательно и до конца выдержать точку зрения внешнего опыта, мы нигде не найдем в составе поведения подобных элементов: внешний объективный опыт должен опереться на совершенно иные — материальные элементарные компоненты поведения, ничего общего не имеющие с желанием, чувствами и представлениями.

Таким образом, только в свете субъективного самосознания картина нашей психической жизни представляется нам как борьба желаний, чувств и представлений. Какие же действительные объективные силы лежат в основе этой борьбы — об этом самосознание нам ничего сказать не может. Если мы на одни желания и чувства наклеим ярлык «бессознательные», а на другие — «предсознательные» и «сознательные», мы только впадем во внутреннее противоречие с самими собою, но за пределы субъективного самосознания и открывающейся только ему картины психической жизни мы не выйдем. Отказавшись от точки зрения само-

сознания, нужно отказаться и от всей этой картины и составляющих ее элементов, нужно искать совершенно иной опоры для понимания психики. Так именно и поступает объективная психология. Фрейд же из старых субъективных кирпичей пытается возвести совершенно новое quasi-объективное здание человеческой психики. Что такое «бессознательное желание», как не тот же старый кирпич, только перевернутый на другую сторону!

3. СУБЪЕКТИВИЗМ ПСИХИЧЕСКОЙ <ДИНАМИКИ> Но фрейдизм поступает еще хуже: он не только переносит в бессознательное элементы сознания, он сохраняет за

ними и в бессознательном всю полноту их предметной дифференцированности и логической отчетливости: бессознательное оказывается, по Фрейду, очень ярким и разнообразным миром, где все представления и образы совершенно точно соответствуют определенным предметам, все желания определено направлены, а чувства сохраняют все богатство своих оттенков и тончайших переходов.

Обратим внимание на работу цензуры. Фрейд считает ее «механизмом», работающим совершенно бессознательно (сознание как помнит читатель, не только не контролирует работу цензуры, но даже и не подозревает об ее существовании). Но как тонко угадывает этот «бессознательный механизм» все логические оттенки мыслей и нравственные нюансы чувств! Цензура проявляет громадную идеологическую осведомленность и изощренность; она производит между переживаниями чисто логический, этический и эстетический отбор. Совместимо ли это с ее бессознательной, механической структурой!

Такой же в высшей степени «сознательный» и идеологический характер обнаруживают и все другие «психические механизмы» Фрейда (например, известный читателю механизм перенесения); действительно механического в них меньше всего. Они совсем не природны, не натуралистичны, а идеологичны.

4. КРИТИКА ТЕОРИИ ЭРОГЕННЫХ ЗОН

Бессознательное, таким образом, нисколько не приближает психику к материальной природе; его введение нисколько не помогает нам связать психическую закономерность с общеприродной объективной закономерностью. В психоанализе разрыв между субъективно-внутренним и материальным остается тот же, что и в психологии сознания.

Конечно, и все те методологические трудности, которые неизбежно связаны с этим разрывом единства и непрерывности внешнего объективного опыта, возникают и для фрейдизма. Заняв субъективную позицию, психоанализ лишился прямого и непосредственного подхода к материальному. С ним ему нечего делать: приходится или вовсе игнорировать его, или растворять в психическом.

В самом деле, Фрейд и его ученики нигде не имеют дела непосредственно с материальным составом и с материальными процессами телесного организма, они ищут только отражений соматического в

психике, т.е. в конечном счете они и все органическое подчиняют методам самонаблюдения, психологизуют его.

Такой именно резко выраженный характер психологизации соматического носит знаменитое учение Фрейда об эрогенных зонах (т.е. сексуально возбудимых частях человеческого тела). Фрейд не опирается на какую-либо физиологическую теорию их, его совершенно не интересует химизм этих зон, их физиологическая связь с другими частями тела. Фрейд подвергает анализу и всестороннему изучению только психические эквиваленты их, т.е. ту роль, которую играют связанные с этими зонами субъективные представления и желания в психической жизни человека с точки зрения его внутреннего самонаблюдения.

Место и функции той или иной эрогенной зоны (например, -гениталий) α телесном целом организма — внутренняя секреция половых желез, ее влияние на работу и форму других органов, ее связь с телесной конституцией и пр. — все эти разветвляющиеся во внешнем, материальном мире процессы совершенно не определяются Фрейдом и по-настоящему не учитываются им.

Как связана роль эрогенной зоны в материальном составе организма с той ролью, какую она играет в изолированно взятой субъективной психике — на этот вопрос Фрейд не дает нам никакого ответа. В результате получается какое-то дублирование (удвоение) эрогенных зон: их судьба в психике становится совершенно самостоятельной и независимой от их физико-химической и биологической судьбы в материальном организме.

Эти черты психоанализа обнажаются особенно резко, когда Фрейд начинает строить теорию человеческих характеров на основе своего учения об эрогенных зонах. Коснемся только одного наиболее яркого по своему субъективизму момента этой теории.

Фрейд утверждает, что преобладание в инфантильной эротике анальной зоны (т.е. особая сексуальная возбудимость заднепроходного отверстия при испражнении) приводит к выработке определенных черт характера, сохраняющихся на всю жизнь человека. Так, у анального эротика вырабатывается черта бережливости и скупости следующим путем: детская страсть задерживать кал и оттягивать процесс испражнения для того, чтобы получить при его выполнении большее наслаждение, превращается у взрослого (у которого анальная эротика подвергается вытеснению в бессознательное) в страсть задерживать и копить золото (деньги), которое похоже на кал.

В этой теории нет ни слова — ни о каких бы то ни было материальных основах характера, заложенных в телесной конституции человека, ни о физических и объективно-социальных влияниях окружающей среды. Весь процесс сложения характера протекает в пределах изолированно взятой субъективной психики. Между удержанием кала и удержанием денег, между калом и золотом существует только весьма натянутое субъективное сходство, так сказать — сходство

впечатлений, — но нет никаких реальных, материальных нитей, которые связывали бы их в материальном составе самого организма и окружающей его среды, т.е. в объективном опыте. Таким образом, эрогенные зоны, по Фрейду, определяют характер и поступки человека — ведь характер совершенно неотделим от его материального выражения в поведении человека — совершенно минуя и тело, и телесную конституцию, и вообще какую бы то ни было материальную среду.

Такое отношение Фрейда к материальному составу организма вполне понятно. Внутреннее переживание, добытое путем самонаблюдения, и не может быть непосредственно связано с данными объективного внешнего опыта. Вполне последовательно можно провести только одну или другую точку зрения. Фрейд, в конце концов, и склоняется к последовательному проведению внутренней субъективной точки зрения: вся внешняя реальность в последнем счете оказывается для него только психическим «принципом реальности», который он помещает в одну плоскость с «принципом наслаждения».

Некоторые фрейдисты (РАНК, ПФИСТЕР, ГРОДДЕК) утверждают, что психоанализу удалось нащупать совершенно особую область бытия — не физического, но и не психического, а как бы нейтрального, из которого затем путем дифференциации может возникнуть как физическое, так и психическое бытие.

К этому нейтральному роду бытия и принадлежат глубины бессознательного; только в самых верхних его пластах — ближе к предсознательному — начинается дифференциация душевного и телесного.

Подобное утверждение, конечно, философски чрезвычайно наивно. Оно совершенно обходит вопрос о методе, вопрос, который в данном случае является решающим.

Мы можем спросить: в каком опыте лежит это «нейтральное бытие» и протекает процесс его дифференциации — во внутреннем или во внешнем?

Этот вопрос старательно обходится названными фрейдистами. Но мы знаем, что во внешнем опыте мы подобного бытия не найдем. В объективном опыте мы находим процесс чрезвычайного усложнения материальной организации, приводящий на определенной ступени, к появлению психики как нового качества материи; но мы, конечно, никогда и нигде не найдем в этом опыте выделения и материи и психики из чего-то третьего. Это — наивно метафизическое утверждение, черпающее свой материал из внутреннего субъективного опыта, но облакающее его в фиктивную нейтральную форму.

э. ФРЕЙДИЗМ и БИОЛОГИЯ	1. Некоторые сторонники Фрейда утверждают, имея в виду по преимуществу его «теорию влечений», что объективным базисом психоанализа является биология.
---------------------------	---

Это утверждение ни на чем не основано. С большим правом можно говорить о психологизации и субъективизации Фрейдом биологии. Все объективно-биологические формы и процессы организма фрейдизм растворяет в субъективно-психическом. Все те биологические термины, ко-

торыми пестрят страницы психоаналитических книг и статей, теряют здесь свою объективную устойчивость, совершенно растворяясь в субъективно-психологическом контексте.

В подтверждение этого достаточно указать на фрейдовскую классификацию влечений.

Все влечения, кроме сексуальных, он объединяет в одну группу влечений «Я» (Ichtriebe). Обнаженно-субъективный принцип этой классификации совершенно ясен. Нечего говорить о том, что с точки зрения строгой биологии подобная классификация недопустима. Даже виталисты и те никогда открыто не признают, что биология может где-либо иметь дело с «Я».

Что же касается вторш-классификации влечений (последнего периода), то она носит уже явно метафизический характер. Эрос, лишенный всякого определенного соматического (телесного) источника и обнимающий все без исключения «рвательства органической жизни, ничем не лучше бергсоновского «жизненного порыва» (élan vital) или шопенгауэровской «воли», а влечение к смерти ничуть не лучше тяготения к нирване.

Таким образом, психоанализ во всем остается верен точке зрения -внутреннего субъективного опыта. Со стороны принципиально методологической он ничем существенным не отличается от психологии сознания. Это — другая разновидность субъективной психологии, не больше. В последнем счете и психоанализ опирается на данные самонаблюдения. Правда, он дает тш другую интерпретацию, пытается построить из них другую картину человеческой психики; но ведь как ни интерпретируй и ни истолковывай субъективных данных, оставаясь на почве внутреннего опыта, ничего объективного из них не получить. Для этого нужно переменить самую точку зрения, но этого-то как раз Фрейд и не делает.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

ПСИХИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КАК БОРЬБА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ, А НЕ ПРИРОДНЫХ СИЛ

1. НОВИЗНА ФРЕЙДИЗМА. 2. «ПСИХИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА» КАК БОРЬБА МОТИВОВ.

3. ПРОЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В ИНДИВИДУАЛЬНУЮ ДУШУ. 4. ПРОЕКЦИЯ СОЗНАТЕЛЬНОГО НАСТОЯЩЕГО В БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ. 5. ФАКТЫ И КОНСТРУКЦИЯ.

6. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ «ПСИХИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ».

1 НОВИЗНА
ФРЕЙДИЗМА

Итак, мы убедились, что фрейдизм только одна из разновидностей субъективной психологии. Мы видели также, в чем заключается та общая почва, на которой он сходится со всеми субъективистами. — Но этим дело не исчерпывается: мы должны еще отчетливо выделить и

правильно оценить то, что как раз отличает его от других субъективных направлений.

Ведь есть же что-то до парадоксальности новое и оригинальное, что поражает каждого, кто впервые знакомится с фрейдизмом. Это впечатление новизны, вероятно, создалось и у нашего читателя, когда он следил за изложением психоанализа. В этом нужно разобраться.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с учением Фрейда и что сохраняется как последнее и самое сильное впечатление от всей его конструкции, — это, конечно, та борьба, тот хаос, то неблагополучие нашей психической жизни, которые красною нитью проходят через всю концепцию Фрейда, и что он сам называет «психической динамикой».

В этом, действительно, существенное отличие Фрейда от всех других психологических направлений. Душевная жизнь старой психологии — это «тишь да гладь, да Божья благодать». Все налажено, все на своем месте, никаких катастроф, никаких кризисов. От рождения до смерти — ровный и гладкий путь спокойной и целесообразной эволюции, постепенного роста души. На смену детской невинности приходит сознательность разума взрослого человека. Этот наивный психологический оптимизм — характерная черта всей до-фрейдовской психологии. Только у одних он выражен резко, у других же — в более скрытой форме проникает всю картину душевной жизни человека.

Этот психологический оптимизм — наследие того биологического оптимизма, который господствовал в науке до Дарвина. Это было наивное представление о премудрой целесообразности живого организма, которое сменилось, наконец, дарвиновским учением о борьбе за существование, о гибели слабых, о выживании и размножении только наиболее приспособленного меньшинства. Строгое понятие природной необходимости воцарилось во всех областях последарвиновской биологии. Только психика, управляемая мудрым сознанием, осталась последним прибежищем для изгнанных из всех других областей понятий целесообразности, гармонии и пр. Психическое противопоставлялось природному и стихийному как царство гармонии и порядка.

В этих взглядах на психику фрейдизм, по-видимому, и произвел наиболее радикальную перемену.

«Природность души», «стихийность душевной жизни» — это прежде всего усвоила и затвердила из всего учения Фрейда широкая публика. Склонные к нищезанству (а таких среди поклонников Фрейда очень много) предпочитают, впрочем, говорить о «трагичности душевной жизни».

По поводу последнего выражения необходимо сейчас же заметить, что хотя природная необходимость действительно чужда целесообразности и гармонии, но она не менее далека и от трагедии. Впрочем, может быть, это выражение и не характерно для всего фрейдизма.

Действительно ли удалось Фрейду нащупать природу в нашей душе? Действительно ли борьба «Я», «Оно» и «Идеал-Я», «влечения к смерти» и «эроса» — есть борьба стихий? Может быть, все это — только борьба мотивов в индивидуальном сознании человека? В таком случае это более похоже на «бурю в стакане воды», чем на борьбу стихий.

Чтобы ответить на этот вопрос, нам предстоит повторить здесь в несколько иной связи тот ряд мыслей, который мы уже начали развивать в предшествующей главе.

2. «ПСИХИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА»
КАК БОРЬБА МОТИВОВ

Вся психологическая конструкция Фрейда в своей *книжке* базируется на словесных высказываниях человека, являясь только их особой интерпретацией. Все эти высказывания строятся, конечно, в сознательной сфере психики. Правда, поверхностным мотивам сознания Фрейд не доверяет, а пытается проникнуть в более глубокие пласты психического. Но тем не менее он берет высказывания не с их объективной стороны, он не ищет их физиологических и социологических корней, он пытается в них самих найти истинные мотивы поведения: сам больной должен сообщить ему о глубинах «бессознательного».

Таким образом конструкция Фрейда остается в пределах того, что может сказать о себе и о своем поведении сам человек на основе своего собственного внутреннего опыта. Фрейд, правда, направляет самонаблюдение на новые пути, заставляет его проникнуть в иные пласты психики, но от самонаблюдения как единственного метода удостоверения в реальности психических явлений он не отказывается. И «бессознательное» может и должно войти в круг самонаблюдения. Ведь больной должен сам признать содержание «бессознательного» (например — какой-нибудь вытесненный комплекс), вспомнить о нем, удостовериться в его существовании с помощью самонаблюдения. Только этим путем какое-нибудь вытесненное в «бессознательное» переживание приобретает ценность психологического факта.

Для самонаблюдения же все продукты бессознательного принимают форму желания или побуждения, находят словесное выражение и уже в таком виде, т.е. в виде мотива, осознаются человеком.

Вполне понятно, что между сознанием и бессознательным господствуют/ по учению Фрейда, такие взаимоотношения, которые ничем не похожи на подающиеся точному объективному учету отношения двух материальных сил. В самом деле, между сознанием и бессознательным кипит полемика, господствуют взаимное непризнание и непонимание, стремление обмануть друг друга. Да ведь подобные взаимоотношения возможны между двумя идеями, двумя идеологическими направлениями, двумя враждующими людьми, но вовсе не между двумя природными материальными силами! Разве, например, между двумя физическими явлениями возможны взаимный обман или непризнание?

Конечно, только уже войдя в сознание, облачившись в формы сознания (в формы определенных по своему содержанию желаний, мыслей и

пр.) продукты бессознательного могут вступить в противоречия с этическими требованиями или могут восприниматься как обман «цензуры».

Таким образом, вся психическая динамика Фрейда дана в идеологическом освещении сознания. Это, следовательно, динамика не психических сил, а только различных мотивов сознания.

Во всей фрейдовской конструкции психической борьбы со всеми осуществляющимися ее механизмами мы слышим только пристрастный голос субъективного сознания, истолковывающего поведение человека. Бессознательное — это только один из мотивов этого сознания, один из способов идеологического истолкования поведения.

Что такое сознание отдельного человека, как не идеология его поведения? В этом отношении мы вполне можем сравнить его с идеологией в собственном смысле слова, являющейся выражением классового сознания. Но никакую идеологию, ни личную, ни классовую, нельзя принимать за чистую монету, нельзя верить ей на слово. Идеология лжет тому, кто не умеет проникнуть за скрытую под нею игру объективных материальных сил.

Например, какое-нибудь религиозное учение вводит в заблуждение только верующего в это учение, наивно принимающего его за то, за что оно само себя выдает. Но для историка-марксиста это же учение может оказаться весьма важным и ценным документом, верно отражающим известные социальные противоречия и интересы определенных групп. Он вскрыт те реальные экономические и социальные условия, которые с неизбежностью порождают данное религиозное учение.

Так поступает и психолог-объективист: он не принимает на веру никаких словесных высказываний, никаких мотивировок и объяснений, какие сам человек на основании собственного внутреннего опыта дает своему поведению. Он пытается вскрыть объективные корни как всего поведения, так и словесных высказываний человека. — Ему эти высказывания уже не смогут солгать. Для него они будут верным выражением объективных условий поведения — физиологических и социально-экономических. За «психической динамикой», за борьбой мотивов психолог-объективист вскроет материальную диалектику природы и истории.

Не так поступает Фрейд; он дает втянуть себя в борьбу субъективных мотивировок сознания. Дело совершенно не меняется от того, что он предпочитает особую группу мотивов — мотивов бессознательного — и добывает их особым путем. Мотив остается мотивом: весомости материального явления он не приобретает. На плодородную почву объективного опыта конструкция Фрейда нас не выводит.

3. ПРОЕКЦИЯ —
СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В
ИНДИВИДУАЛЬНУЮ ДУШУ

откуда же взялись «Я», «Оно»,
«Идеал_я» и прочие «силы», которыми
Фрейд населяет психику человека?

Борьба мотивов не дает никаких оснований для признания этих сил. Борьба мотивов — это реальное явление,

данное в объективном опыте, — ведь она находит выражение в словесных высказываниях. Психические же силы являются той произвольной конструкцией, с помощью которой Фрейд пытается объяснить эту борьбу. Как и большинство конструкций субъективной психологии фрейдовская теория является «проекцией» в психику некоторых объективных отношений внешнего мира. В ней прежде всего находят свое выражение очень сложные социальные взаимоотношения больного и врача.

В чем состоят эти взаимоотношения?

Больной желает скрыть от врача некоторые свои переживания и события жизни, хочет навязать врачу свою точку зрения на причины болезни и на характер своих переживаний. Врач, в свою очередь, стремится отстоять свой авторитет — как врача, стремится добиться признаний от больного, старается заставить больного принять правильную точку зрения на болезнь и ее симптомы. Со всем этим скрещиваются другие моменты: между врачом и пациентом могут быть различия в поле, в возрасте, в социальном положении, наконец, различие профессий — всем этим осложняются их взаимоотношения и борьба.

И вот, в этой сложной и своеобразной социальной атмосфере строятся те словесные высказывания — рассказы пациента и его реплики в беседе с врачом, — которые Фрейд кладет к основу своей теории. Можем ли мы признать эти высказывания выражением индивидуальной психики пациента?

Ни одно словесное высказывание вообще не может быть отнесено на счет одного только высказавшего его: оно — продукт взаимодействия говорящих, и шире — продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло. В другом месте⁶ мы старались показать, что всякий продукт речевой деятельности человека от простейшего жизненного высказывания до сложного литературного произведения во всех своих существенных моментах определяется вовсе не субъективным переживанием говорящего, а той социальной ситуацией, в которой звучит это высказывание. Язык и его формы — продукт длительного социального общения данной речевой группы. Высказывание находит его в основном готовым. Это — материал высказывания, ограничивающий его возможности. То же, что характерно именно для данного высказывания: выбор определенных слов, определенная конструкция фразы, определенная интонаровка высказывания — все это является выражением взаимоотношений между говорящими и всей той сложной социальной обстановки, при которой происходит беседа. Те же «душевные переживания» говорящего, выражение которых мы склонны усматривать в этом высказывании, на самом деле являются только одно-сторонней, упрощенной и научно неверной интерпретацией более сложного социального явления. Это — особый род «проекции», с помощью которой мы вкладываем (проецируем) в «индивидуальную душу» слож-

⁶ См. «Звезда», № 6, 1926 г. — наша статья «Слово в жизни и слово в поэзии».

ную совокупность социальных взаимоотношений. Слово — как бы «сценарий» того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось, а это общение, в свою очередь, является моментом более широкого общения той социальной группы, к которой говорящий принадлежит. Чтобы понять этот сценарий, необходимо восстановить все те сложные социальные взаимоотношения, идеологическим преломлением которых является данное высказывание.

Дело не меняется, если вместо внешней речи мы имеем речь внутреннюю. И она предполагает возможного слушателя, строится в направлении к нему. Внутренняя речь такой же продукт и выражение социального общения, как и речь внешняя.

Все те словесные высказывания пациента (его вербальные реакции), на которые опирается психологическая конструкция Фрейда, и являются такими сценариями прежде всего того ближайшего маленького социального события, в котором они родились, — психоаналитического сеанса. В них находит свое выражение та сложная борьба врача с больным, о которой мы говорили выше. В этих словесных высказываниях отражается не динамика индивидуальной души, а социальная динамика взаимоотношений врача и пациента. Отсюда та драматичность, которая характеризует фрейдовскую конструкцию. Отсюда и то олицетворение психических сил, на которое мы указывали: здесь, действительно, борются люди, а не природные силы.

Психические «механизмы» без труда выдают нам свое социальное происхождение. «Бессознательное» противостоит не индивидуальному сознанию больного, но прежде всего врачу, его требованиям и его взглядам. «Сопrotивление» — это так же прежде всего сопротивление врачу, слушателю, вообще другому человеку.

Всю эту динамику взаимоотношения двух людей психологическая конструкция Фрейда проецирует в индивидуальную душу человека. Подобная проекция не является чем-то неожиданным: это, как мы уже сказали, обычное явление в субъективной психологии. Душевные переживания в большинстве случаев только дублируют мир внешних вещей и социальных отношений. Субъективный идеализм был лишь последователен, когда он утверждал, что весь мир — это только переживание субъекта. Когда современная психология пытается провести точную границу между переживанием и предметом, она в конце концов принуждена прийти к парадоксальному выводу, что такой границы нет, что все зависит от точки зрения. Один и тот же предмет, в зависимости от того, в какой связи, в каком контексте мы его воспринимаем, оказывается то душевным переживанием (моим ощущением, представлением), то физическим телом или социальным явлением. К наиболее радикальным выводам в этом отношении пришел один из крупнейших представителей субъективной психологии Вильям Джеймс. В своей знаменитой статье «Существует ли сознание» он приходит к выводу, что вещи и мысли сделаны из одной и той же материи, что сознание

не вносит никакой новой реальности в мир. Оно — только другая точка зрения на те же самые вещи и явления.

Таким образом, фрейдовская душевная динамика и ее механизмы оказываются только проекцией социальных взаимоотношений в индивидуальную душу. Это — сложный драматизованный образ, с помощью которого Фрейд пытается интерпретировать различные стороны человеческого поведения, оставаясь в пределах одной только части этого поведения — словесных реакций человека.

4. — р. EKL.3.MS!

СОЗНАТЕЛЬНОГО НАСТОЯЩЕГО

В БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ

Еще на одну сторону фрейдовской конструкции должны мы обратить внимание.

Содержание бессознательного, т.е. различные ^{выте} сценные комплексы и, прежде всего, эдипов комплекс относятся Фрейдом к прошлому человека; к его раннему детскому возрасту. Но строится все это учение о первых досознательных периодах развития человека на основании показаний взрослых. Те немногие опыты непосредственного анализа детского поведения и детских высказываний, которые удалось произвести фрейдистам⁷, не имели, да и не мог ли иметь существенного значения для выработки фрейдовской конструкции. Эта конструкция сложилась независимо от них и до них, и сами эти анализы уже предполагали ее и всецело на нее опирались. Таким образом, вся конструкция детских комплексов получена ретроспективным путем; она основана на интерпретации воспоминаний взрослых и тех компромиссных образований, с помощью которых можно добраться до этих воспоминаний (вспомним приведенный нами анализ сна, проникающий до скрытых воспоминаний эдипова комплекса).

Можно ли признать такой ретроспективный метод восстановления переживаний раннего детства (ведь комплекс — совокупность переживаний) научно основательным?

Мы полагаем, что таким путем ни до чего реального, объективного добраться невозможно. На самом деле здесь имеет место очень распространенное и типичное явление: истолкование прошлого с точки зрения настоящего. Об объективном воспоминании наших прошлых внутренних переживаний не может быть и речи. Мы видим *в прошлом только то, что существенно для настоящего, для того момента, в котором мы вспоминаем наше прошлое. Мы переносим из настоящего в досознательное прошлое ребенка прежде всего ту идеологическую ценностную окраску, которая характерна только для настоящего. Все те оценки, точки зрения, ассоциации, которые срослись в сознательном периоде нашей жизни с такими понятиями, как «любовь», «половое влечение», «мать», окрасив собою эти понятия, осмыслив их для нас, мы затем переносим на истолкование фактов детской жизни и

⁷ Важнейшая работа самого Фрейда, посвященная анализу детского нервного заболевания: «Geschichte der Fobie eines 5-jährigen Knaben».

таким путем создаем из этих фактов связанные и осмысленные события, похожие на события взрослой жизни. /

«Сексуальное влечение к матери», «отец — соперник», «вражда к отцу», «желание его смерти» — если отбросить от всех этих «событий» то смысловое значение, тот ценностный тон, всю ту идеологическую весомость, которую они приобретают только в контексте нашего сознательного «взрослого» настоящего, то что же останется от них?

Во всяком случае — ровно ничего, что давало бы серьезные права говорить об эдиповом комплексе, т.е. о повторении сюжета эдиповой трагедии в жизни ребенка. Именно того, что дает глубокий и страшный смысл этой трагедии, что ужасает и потрясает зрителя, — как раз и не окажется.

Что же останется? Ряд разрозненных объективных наблюдений, которые можно сделать над поведением ребенка: ранняя возбудимость половых органов (детская эрекция) и других эрогенных зон, трудность отучить ребенка от постоянной близости материнского тела (прежде всего от груди) и т.п. Ряд фактов такого рода оспаривать, конечно, не приходится, и они общепризнаны. Но ведь от этого ряда фактов до грандиозной и неожиданной конструкции эдипова комплекса — целая бездна. Если отказаться от проекции в прошлое точек зрения, оценок и интерпретаций, принадлежащих настоящему, то ни о каком эдиповом комплексе никогда говорить не придется, как бы ни увеличился арсенал объективных фактов, приводимых в его доказательство.

1 | Фрейдисты часто заявляют своим критикам:
| 5. ФАКТЫ и конструкция | *Чтобы опротестовать „сихоаналогическую теорию, нужно сначала опровергнуть те факты, на которые она опирается.*

Подобное заявление в корне неверно. Оно искажает действительное положение вещей. Фрейдизм — это вовсе не ряд фактов и вовсе не тот *minimum* рабочей гипотезы, который необходим для предварительного объединения и группировки этих фактов. Фрейдизм — грандиозное построение, основанное на чрезвычайно смелой и оригинальной интерпретации фактов, построение, которое не перестанет поражать своею неожиданностью и парадоксальностью, даже если признать все эти приводимые в его доказательство внешние факты.

Сами факты проверяются, подтверждаются или отвергаются повторными наблюдениями или контрольными опытами. Но на критическом отношении к основам конструкции это не может отразиться. Возьмем совершенно чудовищную конструкцию «травмы рождения» РАНКА. Неужели для того, что бы признать ее, по меньшей мере, невероятной, нужно опровергать факт физиологического потрясения организма в момент рождения на свет ребенка (выталкивание, удушье от притока воздуха в легкие, влияние атмосферы и пр.)? Факт этот верен (хотя детальному научному физиологическому исследованию он еще не подвергнут) и общезвестен. И все же при чтении книги Ранка невольно возникает вопрос: «всерьез» это все или «нарочно»?!

То же самое приходится сказать и об отношении фактов детской сексуальности к конструкции эдипова комплекса. Эти факты не могут ее подтверждать, так как лежат в иной плоскости, в ином измерении, чем она. Факты лежат во внешнем объективном опыте, конструкция же — в сфере внутренних переживаний детской души. Более того, чтобы вообще иметь право говорить о детской сексуальности, должно понимать под словом «сексуальность» только строго определенную совокупность физиологических проявлений. Если же мы имеем в виду данные во внутреннем опыте переживания, связанные с этими проявлениями, пропитанные оценками и точками зрения, — мы уже строим произвольную конструкцию: вместо физиологического факта сексуальности мы берем его идеологическое оформление. Таким чисто идеологическим оформлением, проецированным в детскую душу, — и является конструкция эдипова комплекса. Это вовсе не чистое беспримесное выражение объективных физиологических фактов.

То же самое приходится сказать и о других моментах содержания бессознательного. Все это — проекция в прошлое таких идеологических толкований поведения, которые характерны лишь для настоящего. За пределы субъективной конструкции Фрейд нигде не выходит.

6. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ <ПСИХИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ>

Что же остается от «психической динамики» за вычетом этой немлемой для нас конструкции?

— Конфликты внутри вербализованного поведения человека. Борьба мотивов, но не борьба материальных сил.

За нею, как и за всякою идеологическою борьбой, в каком бы масштабе она ни велась, кроются какие-то объективные материальные процессы. Но их фрейдизм не вскрывает. Ведь для того, чтобы их обнаружить, нужно выйти за пределы субъективной психологии, выйти за пределы всего, что может сказать о себе сам человек на основании собственного внутреннего опыта, как бы широко этот опыт ни понимать.

Одни из этих объективных факторов поведения носят физиологический (в последнем счете физико-химический) характер. Эти факторы могут быть изучены теми методами, которые легли в основу учения о рефлексах академика ПАВЛОВА и его школы, или теми, которые так блестяще и основательно разработаны недавно умершим ЖАКОМ ЛЕВОМ в его знаменитой теории тропизмов⁸, или иными разновидностями единого в своей основе физиологического метода. Но для объяснения человеческого поведения всего этого мало. Особенно те конфликты вербализованного поведения, с которыми сталкивает нас фрейдизм, прежде всего нуждаются для своего понимания в строгом и всестороннем учете социально-экономических факторов. Только с помощью гибких методов диалектического материализма мы имеем возможность осветить эти конфликты.

⁸ См. Ж. Лёб, «Вынужденные движения, тропизмы и поведение животных», Москва, ГИЗ (год не указан), и «Значение тропизмов для психологии», в «Нов. идеи в филос.», сб. № 8.

То, что мы называем «человеческой психикой» и «сознанием», в гораздо большей степени отражает диалектику истории, нежели диалектику природы. Природа в ней дана уже в экономическом и социальном преломлении.

Содержание человеческой психики, содержание мыслей, чувств, желаний — дано в оформлении сознанием и, следовательно, в оформлении человеческим словом. Слово — конечно, не в его узко лингвистическом, а в широком и конкретном социологическом смысле — это и есть та объективная среда, в которой нам дано содержание психики. Здесь слагаются и находят внешнее выражение мотивы поведения, соображения, цели, оценки. Здесь рождаются и конфликты между ними.

В задачу критического очерка не может, конечно, войти положительное учение о мотивах и конфликтах вербализованного поведения. Мы можем наметить только то направление, в котором возможно объективное понимание и изучение этих явлений.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

СОДЕРЖАНИЕ СОЗНАНИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ

1. СОЦИОЛОГИЧНОСТЬ СЛОВЕСНЫХ РЕАКЦИЙ. 2. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОЗНАНИЯ. 3. ПОНЯТИЕ «ЖИТЕЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ».
4. РАЗЛИЧНЫЕ ПЛАСТЫ «ЖИТЕЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ». 5. СЕКСУАЛЬНОЕ. 6. ВЫВОДЫ.

1. СОЦИОЛОГИЧНОСТЬ СЛОВЕСНЫХ РЕАКЦИЙ

Мы знаем, что фрейдизм начался с недоверия к сознанию, с принципиальной критики тех мотивов, какими человек, совершенно искренно и добросовестно, склонен объяснять и комментировать свое поведение (вспомним опыт Бернгейма). Сознание — это тот комментарий, который всякий взрослый человек прилагает к каждому своему поступку. По Фрейду, этот комментарий неверен. Не верна и та психология, которая кладет его в свою основу.

Там, где Фрейд критикует психологию сознания, мы можем всецело к нему присоединиться: сознательная мотивировка человеком своих поступков, действительно, ни в каком случае не является научным объяснением его поведения. Но мы идем дальше: и мотивы бессознательного не только не объясняют поведения, ибо, как мы видели, фрейдовское бессознательное ничем принципиально не отличается от сознания; это — только другая форма сознания, только идеологически иное его выражение.

Мотивы бессознательного, которые вскрываются на психо-аналитических сеансах с помощью метода «свободного фантазирования», суть такие же словесные реакции пациента, как и все обычные другие мотивы сознания; они отличаются от этих последних, так сказать, — не по

роду своего бытия, а только по своему содержанию, т.е. идеологически. В этом смысле бессознательное Фрейда можно назвать в отличие от обычного «официального» сознания — «неофициальным сознанием».

С объективной точки зрения мотивы как официального, так и неофициального сознания даны совершенно одинаково во внутренней и во внешней речи, и одинаково являются не причиной поведения, а компонентом, составною частью его. Для объективной психологии всякий мотив человека есть составная часть его поступка, а вовсе не причина его. Можно сказать, что поведение человека распадается на двигательные реакции («действия» в узком смысле слова) и на сопровождающую эти реакции внутреннюю и внешнюю речь (словесные реакции). Оба эти компонента цельного поведения человека объективны и материальны и требуют для своего объяснения объективно-материальных же факторов как в самом организме человека, так и в окружающей его природной и социальной среде.

Словесный компонент поведения определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами.

Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками; социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей его жизни.

Поэтому все словесное в поведении человека (равно и внешняя и внутренняя речь) ни в коем случае не может быть отнесено на счет изолированно взятого единичного субъекта, оно принадлежит не ему, а его социальной группе (его социальному окружению).

В предыдущей главе мы показали, что всякое конкретное высказывание всегда отражает в себе то ближайшее с маленькое социальное событие — событие общения, **бер**[^], [^]_{сж}ду людьми, — из которого оно непосредственно возникло, "Мы видели, что «динамика» Фрейда отражает психоаналитид?£-ий сеанс с его борьбою и перипетиями, то социальное собыг^e^ ш которого родились словесные высказывания пациента. Но в настоящей главе нас интересует не этот ближайший контекст высказывания, а те более широкие длительные и прочные социальные связи, в динамике которых вырабатываются все элементы содержания и формы нашей внешней и внутренней речи, весь тот запас оценок, точек зрения, подходов и пр., с помощью которых мы освещаем для себя самих и для других свои поступки, желания, чувства, ощущения.

Это содержание нашего сознания и всей психики в ее целом, а также и те отдельные высказывания, с помощью которых оно проявляет себя во-вне, всесторонне определяются социально-экономическими факторами.

Мы никогда не доберемся до настоящих существенных корней данного единичного высказывания, если будем их искать только в пределах единичного индивидуального организма даже тогда, когда высказывание касается самых, по-видимому, личных, интимных сторон жизни человека.

Всякая мотивировка своего поступка, всякое осознание себя (ведь самоосознание всегда словесно, всегда сводится к подысканию определенного словесного комплекса) есть подведение себя под какую-нибудь социальную норму, социальную оценку, есть, так сказать, обобществление себя и своего поступка. Осознавая себя, я пытаюсь как бы взглянуть на себя ГА222МИ' другого человека, другого представителя моей социальной группы, моего класса. Таким образом, самоосознание в конечном счете всегда приведет нас к классу 20-му сознанию, отражением и спецификацией которого оно и является во всех «оих основных, существенных моментах. Здесь — объективные корни Д2.*е самых лично интимных словесных реакций.

Как добраться до этих корней?

— С помощью тех объективно-социологических методов, которые разработаны марксизмом для анализа различных идеологических построений — права, морали, науки, мировоззрения, искусства, религии.

В буржуазной философии долгое время господствовало, да и теперь еще достаточно

• 2. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОЗНАНИЯ | нагпрог-гряннп/ уб,жл,нш> «то ПроИЭ-

ведение культурного творчества можно считать вполне объясненным, если его удалось свести к определенным индивидуальным состояниям и психическим переживаниям человека, создавшего данное произведение.

Этого убеждения, как мы видели, придерживаются и фрейдисты. На самом деле между содержанием индивидуальной психики и между оформленной идеологией нет принципиальной границы. Во всяком случае, содержание индивидуальной психики ничуть не понятнее и не яснее содержания культурного творчества и потому не может служить ему объяснением. Осознанное индивидуальное переживание уже идеологично и поэтому с научной точки зрения отнюдь не является какой-то первичной и далее неразложимой данностью: нГТ, это уже определенная идеологическая переработка бытия. Самое смутное с<7Л?ожание сознания дикаря и самое совершенное произведение культуры — ,*ишь крайние звенья единой цепи идеологического творчества. Между ними су*ZZJествует целый ряд непрерывных ступеней и переходов.

Чем яснее становится моя мысль, тем ближе она к оформленным продуктам научного творчества. Более того, достигнуть окончательной ясности моя мысль не сможет, пока я не найду для нее точной словесной формулировки и не приведу ее в связь с теми положениями науки, которые касаются того же предмета, — другими словами, пока не превращу мою мысль в ответственное научное произведение. Какое-нибудь чувство не сможет достигнуть окончательной зрелости и определенности, не найдя для себя внешнего выражения, не оплодотворив собою слова, ритма, краски, т.е. не отлившись в произведение искусства.

Этот путь, ведущий от содержания индивидуальной психики к содержанию культуры, — долг, труден, но это один путь, и на всем своем протя-

жении, на всех своих этапах он определяется одной и той же социально-экономической закономерностью.

И на всех этапах этого пути человеческое сознание работает словом, этим самым тонким, но и самым запутанным преломлением социально-экономической закономерности. Изучать словесные реакции в их примитивнейшей житейской форме должно теми же методами, какие выработал марксизм для изучения сложных идеологических построений, так как законы преломления объективной необходимости в слове и тут и там одни и те же.

Всякое словесное высказывание человека является маленьким идеологическим построением. Мотивировка своего поступка есть в маленьком масштабе правовое и моральное творчество; восклицание радости или горя — примитивное лирическое произведение; житейские соображения о причинах и следствиях явлений — зачатки научного и философского познания и пр., и пр. Устойчивые и оформленные идеологические системы наук, искусств, права и пр. выросли и выкристаллизовались из той зыбкой идеологической стихии, которая широкими волнами внутренней и внешней речи оmyвает каждый наш поступок и каждое наше восприятие. Конечно, оформившаяся идеология оказывает, в свою очередь, могучее обратное влияние на все наши словесные реакции.

5. ПОНЯТИЕ

«ЖИТЕЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ»

Назовем внутреннюю и внешнюю речь, проникающую насквозь все наше поведение, «житейской идеологией». Эта житейская идеология в некоторых отношениях более чутка, отзывчива, нервна и подвижна, чем идеология оформившаяся, «официальная». В недрах житейской идеологии и накаплиются те противоречия, которые, достигнув известного предела, взрывают, наконец, систему официальной идеологии. Но в общем мы можем сказать, что житейская идеология так же относится к социально-экономическому базису и подчиняется тем же законам развития, как и идеологические надстройки в собственном смысле этого слова. Поэтому и методы изучения ее должны быть, как уже сказано, в основе своей теми же самыми, только несколько дифференцированными и видоизмененными в зависимости от особенностей материала.

Вернемся теперь к тем «душевному» конфликтам, на которые опирается психоанализ и которые он пытается объяснить борьбой сознания с бессознательным. С объективной точки зрения все эти конфликты разыгрываются в стихии внутренней и внешней речи (конечно, помимо их чисто физиологической стороны), т.е. в стихии житейской идеологии. Это — не «душевные», а идеологические конфликты, поэтому они и не могут быть поняты в узких пределах индивидуального организма и индивидуальной психики. Они выходят не только за предел сознания, как это думает Фрейд, но и за пределы индивида в его целом.

Сон, миф, шутка и острота и все словесные компоненты патологических образований отражают в себе борьбу различных идеологических тенденций и направлений, сложившихся внутри житейской идеологии.

4, РАЗЛИЧНЫЕ ПЛАСТЫ
 <ЖИТЕЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ>

Те ее области, которые соответствуют фрейдовскому процензурованному, официальному сознанию, выражают наиболее устойчивые и господствующие моменты классового сознания. Они близки к оформленной, сложившейся идеологии этого класса, к его праву, морали, мировоззрению. В этих пластах житейской идеологии внутренняя речь легко упорядочивается и свободно переходит во внешнюю речь, во всяком случае не боится стать внешней речью.

Другие пласты, соответствующие фрейдовскому бессознательному, очень далеки от устойчивой системы господствующей идеологии. Они говорят о разложении единства и целостности этой системы, о поколебленности обычных идеологических мотивировок. Конечно, случаи накопления таких рассысающих единство житейской идеологии внутренних мотивов могут носить случайный характер и свидетельствовать только о социальной деклассированности отдельных лиц, но чаще всего они свидетельствуют о начинающемся разложении, если и не класса в его целом, то некоторых его групп. В здоровом коллективе и в социально-здоровой личности житейская идеология, основанная на социально-экономическом базисе, — цельна и крепка: нет никакого расхождения между официальным и неофициальным сознанием.

Содержание и состав неофициальных пластов житейской идеологии (т.е. по Фрейду, — содержание и состав бессознательного) в такой же степени обусловлены эпохой и классом, как и ее «процензурованные» пласты и как системы оформленной идеологии (мораль, право, мировоззрение). Например, гомосексуальные влечения древнего эллина господствующего класса совершенно не создавали никаких конфликтов в его житейской идеологии, они свободно переходили в его внешнюю речь и даже находили оформленное идеологическое выражение (вспомним «Пир» Платона).

Все те конфликты, с которыми имеет дело психоанализ, в высшей степени характерны для европейской мелкобуржуазной современности. Фрейдовская «цензура» очень отчетливо выражает житейско-идеологическую точку зрения мелкого буржуа, а потому получается несколько комическое впечатление, когда фрейдисты переносят ее в психику древнего грека или средневекового крестьянина. Чудовищная переоценка фрейдизмом сексуального момента также чрезвычайно показательна на фоне современного разложения буржуазной семьи.

Чем шире и глубже разрыв между официальным и неофициальным сознанием, тем труднее мотивам внутренней речи перейти во внешнюю речь (устную, письменную, печатную; в узком, в широком социальном кругу), чтобы в ней оформиться, уясниться и окрепнуть. Такие мотивы начнут хиреть, терять свое словесное обличив и мало-помалу действительно превращаются в «чужеродное тело» в психике. Целые группы органических проявлений могут оказаться таким путем выключенными из

пределов вербализованного поведения, могут стать асоциальными. Так расширяется сфера «животного» в человеке, асоциального в нем.

Конечно, не всякая область человеческого поведения может подвергнуться такому полному отрыву от словесного идеологического оформления. Ведь и не всякий мотив, вступивший в противоречие с официальной идеологией, вырождается в смутную внутреннюю речь и умирает, — он может вступить в борьбу с официальной идеологией. Такому мотиву, если он обоснован в экономическом бытии целой группы, если это не мотив деклассированного одиночки, предстоит социальное будущее, может быть, и победоносное. У такого мотива не будет никаких оснований стать асоциальным, расстаться с общением. Только сначала он будет развиваться в маленькой общественной среде, уйдет в подполье, но не в психическое подполье вытесненных комплексов, а в здоровое политическое подполье. Так именно создается революционная идеология во всех сферах культуры.

5. СЕКСУАЛЬНОЕ

1. Есть одна чрезвычайно важная область человеческого поведения, в которой словесные связи налаживаются с большим трудом, и которая поэтому особенно легко выпадает из социального контекста, утрачивает свою идеологическую оформленность, вырождается в первичное животное состояние. Эта область — сексуальное. Разложение официальной идеологии прежде всего отражается на этой области поведения человека. Она становится центром накопления асоциальных и антисоциальных сил.

Эту область частной жизни по преимуществу легче всего сделать базой для социального отступления. Сексуальную «пару», как какой-то социальный минимум, легче всего изолировать и превратить в микрокосм, ни в ком и ни в чем не нуждающийся.

Для всех эпох социального упадка и разложения характерна жизненная и идеологическая переоценка сексуального и притом в его крайне одностороннем понимании: на первый план выдвигается отвлеченно взятая асоциальная его сторона. Сексуальное стремится стать суррогатом социального. Все люди распадаются прежде всего на мужчин и на женщин. Все остальные подразделения представляются несущественными. Понятны и ценны только те социальные отношения, которые можно сексуализовать. Все же остальное теряет свой смысл и значение.

Современный успех фрейдизма во всей Европе говорит о полном разложении официальной идеологической системы. «Житейская идеология» оказалась предоставленной себе самой, разрозненной и неоформленной. Каждая сторона жизни, каждое явление и предмет выпадает из налаженного и для каждого убедительного контекста классовых и социальных оценок. Каждая вещь как бы поворачивается к человеку своей не социальной, своей сексуальной стороной. За каждым словом художественного или философского произведения стал сквозить голый сексуальный символ; все другие стороны и прежде всего социальные-исторические оценки, заложенные в каждом слове, уже не улавлива-

ются слухом современного европейского буржуа, они стали только обертонами основного сексуального тона.

Чрезвычайно показательная и в высшей степени интересная черта фрейдизма — сплошная сексуализация семьи и всех без исключения семейных отношений (эдипов комплекс). Семья — этот устой и твердыня капитализма — очевидно экономически и социально стала мало понятной и мало говорящей сердцу, а потому и возможна ее сплошная сексуализация, как бы новое осмысление, «остранение», как сказали бы наши «формалисты». Эдипов комплекс, действительно, великолепное остранение семейной ячейки. Отец — не хозяин предприятия, сын — не наследник, отец — только любовник матери, а сын — его соперник!

Это-то новое и острое «осмысление» всех ставших бессмысленными сторон жизни и привлекает к фрейдизму широкую публику. Очевидность и бесспорность сексуальных влечений противопоставляется здесь сомнительности и спорности всех остальных социальных идеологических оценок. Сексуальность объявляется высшим критерием реальности, сущности. А чем человек деклассированнее, тем острее ощущает он в себе свою «голую природность», свою «стихийность».

6. ВЫВОДЫ

Фрейдизм — это психология деклассированных — становится признанным идеологическим течением самых широких слоев европейской буржуазии. Вот явление, глубоко симптоматичное и показательное для всякого, желающего понять дух современной Европы.

Основное устремление философии наших дней — создать мир по ту сторону социального и исторического. «Космизм» антропософии (Штейнер), «биологизм» Бергсона и, наконец, рассмотренный нами «психобиологизм» и «сексуализм» Фрейда, — все эти три направления, поделившие между собою весь буржуазный мир, каждое по своему служат этому устремлению новейшей философии. Они определили собою физиономию современного «Kultur Mensch'a» — штейнерианца, бергсонянца, фрейдиста — и три алтаря его веры и поклонения: магию, инстинкт, сексуальность. Где закрыты творческие пути истории, там остаются только *тупики* индивидуального изживания бессмысленной жизни.

⁹ «Остранение» — такой словесный прием, с помощью которого обычная и знакомая вещь представляется странной и новой.

КРИТИКА МАРКСИСТСКИХ АПОЛОГИЙ ФРЕЙДИЗМА

1. МАРКСИЗМ И ФРЕЙДИЗМ. 2. ТОЧКА ЗРЕНИЯ Б.БЫХОВСКОГО. 3. ТОЧКА ЗРЕНИЯ А.Р.ЛУРИЯ.
4. ТОЧКА ЗРЕНИЯ Б.Д.ФРИДМАНА. 5. РЕФЛЕКСОЛОГИРОВАННЫЙ ФРЕЙДИЗМ А.Б.ЗАЛКИНДА.
6. ИТОГИ.

И МАРКСИЗМ И ФРЕЙДИЗМ | ИТ учитель, внимательно следивший за изложением фрейдизма, вероятно, хуже помимо всяких критических анализов почувствовал глубокую органическую чуждость этого учения марксизму. Трудно не ощутить совершенно иной климат, иной пейзаж фрейдистского мировоззрения. И, тем не менее, среди марксистов существуют горячие апологеты фрейдизма. Нам уже приходилось упоминать о них в первых, ориентировочных, главах работы. Здесь, в заключение критической части нашей книги, мы не можем отказаться от мало благодарной задачи подвергнуть эти марксистские апологии фрейдизма критическому анализу.

Мы не можем, конечно, останавливаться на всех «приемлющих» и «благожелательных» высказываниях и отзывах марксистов о фрейдизме. Часто такие высказывания носят случайный характер, не развиты обстоятельно и не обоснованы. К этой категории высказываний относится и известное за явление тов. Троцкого о приемлемости психоанализа для марксизма в книге «Литература и революция». На них мы останавливаться не будем. Мы ограничим свою задачу рассмотрением работ четырех авторов. Мы рассмотрим:

1) статью Б.БЫХОВСКОГО в журн. «Под знаменем марксизма», 1923 г.: «О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда»;

2) статью А.Р.ЛУРИЯ: «Психоанализ как система монистической психологии» в сборнике «Психология и марксизм» Моск. Института экспериментальной психологии, 1925;

3) работу Б.Д.ФРИДМАНА: «Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма», напечатанную в том же сборнике;

4) работу А.Б.ЗАЛКИНДА: «Фрейдизм и марксизм» в журнале «Красная Новь», 1924 г., № 4, и соответствующие главы его последней книги «Жизнь организма и внушение», 1927 г.

Названные работы являются наиболее развитыми и продуманными попытками оправдать фрейдизм с марксистской точки зрения. Разобрав апологетические доводы этих авторов, мы в общем исчерпаем все достойные рассмотрения доводы, проводившиеся марксистами в защиту фрейдизма.

2, ТОЧКА ЗРЕНИЯ Б. Быховского

Начнем в хронологическом порядке с разбора работы Б. Быховского.

«Психоаналитическое учение окутано плотной оболочкой субъективизма, и в изложении психоаналитиков явления часто производят впечатление вывороченных на субъективистскую изнанку. Но я старался вылущить здоровое ядро психоанализа и думаю, что оно достаточно ценно и значительно. Я старался доказать, что в своих методологических посылках и в основных принципиальных выводах психоанализ (бессознательно) воспроизводит в области своего исследования положения, провозглашенные диалектическим материализмом. Осознание этого психоаналитиками поставит их учение на широкую, прочную основу. Диалектический материализм может зачесть в свой актив еще одну победу» (стр. 176-177).

В таких словах подводит Б. Быховский итоги своего анализа фрейдизма.

В чем же он усматривает «здоровое ядро» психоанализа, «бессознательно воспроизводящее» положения исторического материализма?

Б. Быховский пытается доказать, что психоаналитический метод характеризуется следующими особенностями: объективизмом, материалистическим монизмом, энергетизмом и, наконец, диалектикой.

Разберем эти особенности фрейдовской методологии в освещении Быховского по пунктам.

Объективизм фрейдовского метода Быховский обосновывает чрезвычайно странным образом. Приведем его собственные слова:

«Когда ближе знакомишься с психоанализом, не только убеждаешься в его согласуемости с реактологией, но и начинаешь сомневаться в его субъективизме. Субъективизм кажется затемняющей суть дела оболочкой. В самом деле, психоанализ — учение о бессознательном, о чем-то происходящем вне пределов субъективного "я" Бессознательное реально воздействует на реакции организма, часто руководя ими. Бессознательное не может быть изучаемо через сознание, субъективно. Это и служит причиной того, что Фрейд изучает объективные проявления бессознательного (симптом, ошибка и т.д.), ищет условия минимального участия сознания (сон, детский возврат). Все это безусловно приемлемо для реактологии» (стр. 166).

Эти утверждения Быховского находятся в противоречии с самыми основами фрейдистской методологии. «О бессознательном мы можем узнать только через сознание», — говорит сам Фрейд. Вся методика «свободных ассоциаций» имеет только одну цель: довести бессознательное до сознания пациента. И терапевтические успехи психоанализа достижимы, по Фрейду, только при том неперемennom условии, если сам больной в своем собственном внутреннем опыте узнает и признает свои вытесненные комплексы¹⁰. Если бы они остались для больного только внешним объективным фактом, не приобретая для него субъ-

¹⁰ Это отлично знает и сам Быховский. В другом месте своей статьи он говорит: «Осознание бессознательного — таков лозунг психоаналитической терапии». Как примирить это с его приведенными в тексте утверждениями?

активной подлинности внутренне пережитого, они не имели бы никакого терапевтического значения. Как объективный факт (вне субъективной психики лежащий) мы воспринимаем, например, образ нашего пораженного легкого на рентгеновской пластинке или узнаем о физиологическом механизме процесса кашля. С «бессознательным» же мы можем встретиться только на субъективных путях внутреннего переживания. Сам человек должен нащупать его во внутреннем опыте, на дне своей души. И весь психоанализ есть не что иное, как внутреннее осознание бессознательного. Совершенно непонятно, как Быховский решается утверждать, что «бессознательное не может быть изучаемо через сознание, субъективно»?! Других путей для его изучения нет и не может быть, и самому Фрейду и в голову не приходили иные возможности.

Далее, в корне ложным является утверждение Быховского, что фрейдизм изучает объективные проявления бессознательного в симптоме, ошибке и пр. Конечно, исходит фрейдистский анализ из внешней объективной данности: ошибки, телесного симптома и пр., но именно не эту объективную материальную данность он изучает. Его совершенно не интересует физиологический механизм телесного симптома, например, истерического кашля, а только его внутренняя субъективно-психическая изнанка. Симптом, ошибка, сон и все прочие факты, из которых исходит психоаналитический метод, как бы лишены для него объективной, материальной плоти: психоанализ имеет с ними дело только как с замещающими образованиями, как с компромиссами между сознанием и бессознательным, — следовательно, только как с определенной комбинацией психических сил. В психоаналитическую формулу симптома входят только чистые субъективно-психические величины.

Каким образом психоаналитический метод, всегда и всюду ищущий одну-единственную жемчужину — вытесненное желание, — оказывается объективным методом, приемлемым для реактологии, — остается совершенно непонятным. «Доводы» Быховского оказываются просто голословным утверждением. Иных же доводов он не приводит.

Не лучше обстоит дело и с обоснованием второй особенности психоанализа — его материалистического монизма. Основной довод Быховского сводится здесь к тому, что фрейдистский метод создает непрерывный переход от психики к соматическому через бессознательное (можно построить ряд: сознание — предсознательное — бессознательное — соматическое). Он цитирует известное утверждение Фрейда: «сексуальная функция не представляет собой нечто чисто психическое так же, как не что-то только соматическое. Она оказывает влияние на телесную и душевную жизнь» (стр. 164). Аналогичных цитат можно выбрать из Фрейда немало, но еще больше можно найти у него утверждений и прямо противоположного характера. Одно из них несколько ниже цитирует и сам Быховский. Вот оно:

«Важно выяснить, происходят ли отдельные душевные проявления непосредственно из физических, органических, материальных воздействий,

и в таком случае изучение их не дело психологии, или же явления происходят и связаны с другими психическими процессами, за которыми уже где-то дальше скрывается ряд органических причин. Психическими процессами мы всегда называем только процессы "второго рода"» (стр. 165).

Здесь, в этом утверждении Фрейда, все органическое оставляется за бортом психологии. Только чистый психический ряд изучает психоаналитик, остальное его не касается. Но так как «где-то дальше» допускается все же не интересующий психолога ряд органических причин, то мы имеем типично выраженную точку зрения психофизического параллелизма. В общем, в теоретическом решении проблемы взаимоотношения психического и соматического позиция самого Фрейда уклончива и намеренно неясна. Все его относящиеся сюда высказывания противоречивы и неопределенны. Чаще всего вопрос им вовсе обходится. Но нет нужды собирать эти высказывания: сам метод говорит за себя, говорит своей практикой, своей работой. Психоанализ нигде и никогда не показывает нам воздействия соматического на психическое, как этого хочет Быховский. Психоанализ знает только чистый психический ряд, а соматическое только как несамостоятельный момент этого психического ряда. Последовательные психоаналитики, как РАНК. и ГРОДДЕК, дают этой особенности своего метода ясное и недвусмысленное теоретическое выражение: все органическое, по их убеждению, носит вторичный характер, первично — только психическое. Это уже чистый монизм, по только монизм спиритуалистический.

Действительно, психоанализ в своей основе монистичен.

Это — особая современная разновидность спиритуалистического монизма. Пусть осторожный Фрейд и балансирует двусмысленно между психофизической причинностью и психофизическим параллелизмом, — самый метод не знает этого колебания: для него не существует никаких непреодолимых и непроницаемых материальных величин, для него все растворяется в бесконечной и зыбкой субъективно-психической стихии.

Переходим к энергетике. Предоставим слово самому Быховскому:

«Согласуемость психоанализа с реактологией не ограничивается изложенным. Она значительно глубже, распространяясь на основу основ теории — энергетизм психических процессов. Энергетическое понимание психических процессов пронизывает от начала до конца психоаналитическое учение Фрейда. Энергетика носит у Фрейда название «экономической точки зрения». Одно только можно с уверенностью утверждать, а именно, что наслаждение каким-то образом связано с уменьшением, понижением или угасанием имеющегося в душевном аппарате количества раздражений, а неудовольствие — с их повышением. Исследование самого интенсивного наслаждения, доступного человеку, наслаждения при выполнении полового акта, не оставляет места сомнению в этом пункте. Так как при таких процессах наслаждения дело касается учета количеств душевного раздражения или энергии, то рассуждения такого рода мы называем экономическими... Мы можем сказать, что душевный аппарат

имеет своей целью одолеть и освободиться от воспринимаемых им извне и изнутри раздражений и возбуждений» (стр. 166-167).

Так, на цитате из Фрейда пытается Быховский доказать энергетизм психоанализа. Цитата действительно характерна, но доказывает она не то, что хочется Быховскому.

Что такое эта «экономическая точка зрения» у Фрейда? — Просто огульное перенесение на психику старого как мир принципа «наименьшей траты сил». Но примененный к субъективно-психическому материалу этот принцип, сам по себе пустой и еще ничего не говорящий, становится просто метафорой, поэтической фразеологией, не больше. Этот принцип может стать продуктивной рабочей гипотезой только на таком материале, который поддается точному объективному измерению. Субъективно-психическое, оторванное от всего материального, конечно, никакому измерению не поддается, здесь возможны только произвольные идеологические оценки. Именно такой, по меньшей мере, сомнительной оценкой является циничное заявление Фрейда, что самым интенсивным наслаждением, доступным человеку, является наслаждение при выполнении полового акта.

Ни о какой энергетике там, где нет опорного пункта для точного измерения, не может быть и речи. Особенность теории Фрейда заключается в том, что она не знает объективного материального раздражителя; она знает только внутренние психические же раздражители (Фрейд, правда, говорит о соматических источниках влечения, но изучению он их не подвергает). Вся фрейдистская теория *libido* оперирует только такими внутренними раздражителями. Фрейдизм интересуется раздражением, собственно, только с того момента, когда оно начинает фигурировать на внутренне психической сцене и сталкивается здесь с уже наличными психическими силами; как оно туда попадает — это его уже не интересует. Влечения (*die Triebe*) — это основное понятие всего психоанализа — Фрейд определяет как психические представители соматических раздражений. И он последовательно имеет дело только с этими представителями и борьбу между ними: влечение к матери сталкиваете^ со страхом и стыдом и вытесняется в бессознательное, влечение «я» сталкивается с сексуальными влечениями, влечение к смерти — с ЗРОСОМ и пр. Психоанализ, таким образом, остается в кругу внутриспсихических раздражителей и реакций — переживание реагирует на переживание, чувство на желание, желание — на чувство: страхом" душа реагирует на инцестуозную любовь, мажией преследования на гомосексуальное влечение и пр. Находящийся во внешнем мире материальный раздражитель и материально выраженное в организме раздражение остаются за пределами теории. Но ведь именно эти измеримые моменты являются опорными пунктами объективных методов психологии.

То же нужно сказать и о превращении психической энергии: переход любви в ненависть, переход влечения с одного объекта на другой и пр.

Как измерить количество этой, меняющей свои формы, энергии? Ведь только при этом условии мы могли бы говорить об энергетике не метафорически. Но для этого нужно выйти за пределы субъективно психической картины этих смен, выйти в объективный мир материальных раздражителей и реакций. Но Фрейд этого не делает, он только утверждает, что если это сделать, то, вероятно, концы с концами сойдутся, и энергетика и экономический принцип окажутся оправданными.

В заключение нужно отметить, что экономическая точка зрения внешне пристегнута к учению Фрейда. Он привлекает ее к делу лишь попутно, существа его учения она не затрагивает. Утверждение Быховского, что энергетика — основа основ психоанализа, — неверно. По-видимому, Быховский относит к энергетике всю психическую динамику, что, конечно, совершенно нелепо. Что же касается психической динамики, то в своем месте мы показали, что это вовсе не борьба сил (которую можно было бы практиковать энергетически), а борьба жизненно-идеологических мотивов.

Наконец, о диалектике.

На этом вопросе мы не намерены долго задерживаться. Диалектично все мышление человека, диалектична объективирующая во внутренней и внешней речи субъективная психика человека, диалектичен миф и бред сумасшедшего. Более того, диалектична всякая глупость, диалектична ложь, в воле диалектики помимо воли попадает праздная болтовня и сплетни (вспомните диалектику сплетни у Гоголя, определяющую в основном структуру его гиперболического и гротескного стиля). Диалектика — душа всякого движения, даже движения фикций в праздном мозгу человека. Что удивительного, если и та картина житейско-идеологической динамики, которую развертывает Фрейд, оказывается внутренне диалектической. Но есть ли эта диалектика та самая материальная диалектика природы и истории, которую ищет марксистский диалектический метод?

— Конечно, нет! Это — отраженная в голове идеологически преломленная и искаженная диалектика каких-то действительных материальных сил. Но эти-то материальные силы Фрейд как раз и не вскрывает: он игнорирует идеологичность, а следовательно — вторичность, специфическую преломленность и искаженность своей «психической динамики», динамики мотивов, а не сил. Ни о какой материальной, стихической диалектике в учении Фрейда не может быть и речи, так как это учение ни в чем не выходит за пределы субъективной психики.

Общий недостаток статьи Быховского (и этот недостаток она разделяет с другими, подлежащими разбору аналогиями фрейдизма): отсутствие подхода к самому психоаналитическому методу как к объективному факту. Надо взять самый метод во время работы и выяснить, что он делает и куда он идет, а не приводить случайных и противоречивых заявлений самого Фрейда и фрейдистов по поводу метода. Надо было бы взять метод свободных ассоциаций и поставить прямой вопрос: какую роль в этом методе играет самонаблюдение и какую — объективное наблюдение? Едва ли мог бы затруднить ответ на такой прямо и точно поставленный

вопрос. Но ни Быховский, ни другие апологеты фрейдизма таких прямых вопросов самому методу не ставят, а вместо этого предпочитают заниматься подбором цитат и выписок декларативного характера.

На этом мы закончим рассмотрение работы Быховского. Его тезис о бессознательном воспроизведении фрейдизмом исторического материализма остался необоснованным. Этот род бессознательного, по видимому, не поддается доведению до сознания.

0. ТОЧКА ЗРЕНИЯ
А.Р.Лурия

Переходим к работе А.Р.Лурия: «Психоанализ как система монистической психологии».

Вот точка зрения Лурия на фрейдизм:

«Психоанализ, — пишет он, — перенося учение о психических явлениях в совершенно иную плоскость учения об органических процессах, происходящих в целом человеческом организме, — резко порывает с метафизикой и идеализмом старой психологии и закладывает (вместе с учением о реакциях и рефлексях человека) твердый фундамент психологии материалистического монизма, позитивно подходящей к психикецельной личности».

«Именно этим психоанализ отвечает на первую задачу, поставленную перед современной психологией крупнейшей философией эпохи — диалектическим материализмом: задачу материалистически подойти к цельной личности и движущим силам ее психики».

«Психоанализ внес крупный вклад в решение этой проблемы, сделав один за другим два крупных шага: утвердив слитность отдельных психических функций и введя всю психику в общую систему органов и их биологически обусловленной деятельности» (стр. 79-80).

Фрейдизм есть психология цельной личности, — в этом утверждении — пафос всей работы Лурия.

Главный недостаток эмпирической психологии наш автор усматривает именно в психической атомистике, в неумении подойти к цельной личности. «Не имея возможности, — говорит он, — идти по пути научного "объяснения" психических явлений, экспериментальная психология пошла по пути разложения своего материала на мелкие, изолированные частицы — "атомы" и сепаратного изучения этих гипотетических "элементов" психики» (стр. 53).

Реакцией на это и является, по мнению Лурия, психоанализ.

«В противоположность школьной "атомизирующей" психологии, психоанализ сразу, с первого же шага, начал с проблемы личности; он поставил себе задачей изучить личность в целом и те механизмы, которые формируют ее поведение» (стр. 58).

Далее Лурия показывает, что изучение цельной личности есть основное требование и марксистской методологии, подходящей к личности «как к неотъемлемому и активному элементу истории».

Такова точка зрения Лурия.

Нельзя не согласиться с ним, что исторический материализм, действительно, требует изучения цельной личности и дает методологические основы (и только он один дает эти основы) для такого изучения.

Однако, мы знаем, что идея «цельной личности» вовсе не есть достояние одного только марксизма; и едва ли марксизму свойственно исключительное подчеркивание и выдвигание на первый план «цельной личности». Мы знаем, что идея «цельной личности» была кульминационным пунктом романтического идеализма — философии тождества ШЕЛЛИНГА, учения ФИХТЕ, — была, наконец, программным лозунгом романтической школы. Но наиболее последовательное выражение в истории философии идея цельной личности получила в монадологии ЛЕЙБНИЦА. Монада замкнута и довлеет себе и в то же время отражает весь мир, приобщая его к своему внутреннему единству. Можно ли найти более последовательное воплощение идеи цельной личности? Но, более того, можно сказать, что нет и не было такого антиисторического и антисоциального мировоззрения, которое не выдвигало бы на первый план именно эту идею цельной личности.

Эта идея, таким образом, — обоюдоострое оружие: в подходе к ней требуется сугубая осторожность. Марксизм никогда не говорил о цельной личности и вообще о личности без особых и очень существенных оговорок: он употребляет такие понятия в высшей степени диалектически.

Основная опасность здесь в том, что цельная личность обычно покупается ценою ее изоляции и упрощения. Личность определяется в изолирующих и замыкающих ее от окружающей среды терминах. Личность оказывается не объективным элементом истории, а субъективным единством, самодовлеющим центром переживания мира. Такая «цельная личность», конечно, гораздо дальше от марксизма, чем психическая атомистика экспериментальной психологии.

Требование изучения цельной личности для марксизма отнюдь не является особым самостоятельным требованием, как для индивидуализма, для романтизма, или, например, для современной дифференциальной (структурной) психологии (ВИЛЬЯМ ШТЕРН и его школа); нет, для марксизма это есть лишь часть его основного требования диалектического монизма в изучении личности. Это основное методическое требование мы могли бы развернуть так: нет в личности абсолютно изолированных элементов, — все взаимно связано, все — только часть целого, но и сама личность не изолирована, и сама она есть только часть целого. Как нет изолированных психических элементов, так нет и изолированной личности. Одинаково справедливы оба утверждения: личность цельна (по отношению к изолированным элементам), личность не цельна (по отношению к окружающему бытию, невыделимым элементом которого она является).

Но этот диалектический монизм может быть осуществлен лишь при одном условии — при условии чистого беспримесного объективизма в подходе к личности. Личность должна быть понята и определена в тех же терминах, что и окружающий ее материальный мир. В марксистскую формулу лично-

сти и ее поведения должны входить те же величины, что и в формулы окружающей ее социально-исторической и природной действительности.

Удовлетворяет ли этому условию фрейдистская психология цельной личности?!

— Ни в какой степени!

Бессознательное еще больше и лучше, чем сознание идеалистической психологии, служит тенденции: изолировать и замкнуть личность, загнать ее жизнь в узкий безысходный круг субъективно-психического самоизживания. Личность наделяется своей собственной маленькой историей, маленькой природой, разбивается на несколько внутренних персонажей («Я», «Идеал-Я», «Оно») и становится самодовлеющим микрокосмом.

Доводы Лурия, точнее цитаты из Фрейда и фрейдистов, которыми наполнена его статья, ничего здесь изменить не могут. Можно согласиться с тем упреком, который делает Лурия эмпирической психологии — с упреком в психической атомистике. Но из каких элементов строит Фрейд свою цельную личность? — Из тех же самых «атомов» эмпирической психологии: представлений, чувств, желаний. Введение бессознательного несколько не изменило дела. Вообще же понятие «бессознательного» гораздо субъективистичнее понятия «сознания» эмпирической психологии.

Действительно ли фрейдизм, как это утверждает Лурия, вводит психику в систему организма? Не вводит ли он, наоборот, материальный организм в систему психического?

— Верно, конечно, последнее. Организм для психоанализа — вторичное явление. В корне неверно изображать учение об эrogenных зонах как объективно физиологическую теорию. Именно тело, по этой теории, вводится в психическую систему личности, а не наоборот; вводится, конечно, не как объективное внешнее тело, а как переживание телесного, как совокупность внутренних влечений, желаний и представлений, так сказать — тело изнутри.

Совершенно неверной является попытка приписать психоаналитическому понятию «влечения» объективный характер.

«Влечения, — говорит Лурия, — являются для психоанализа понятием не чисто психологического порядка, но шире — понятиями, пограничными между психическим и соматическим, понятиями биологическими».

«Ни один биолог не согласится, конечно, с таким странным определением биологического, как пограничного между соматическим и психическим; даже виталист Дриш не согласится с этим. Ни о каком пограничном понятии между субъективно психическим и объективно материальным не может быть, конечно, и речи. Ибо нет в опыте такой точки зрения, которая могла бы открыть нам такого своеобразного гибрида. Это — чисто метафизическое понятие, одно из основных понятий спиритуалистической метафизики».

Таким образом, в психоаналитическую формулу цельной личности не входит ни одной объективной величины, которая позволила бы включить эту личность в окружающую материальную действительность природы. Не

лучше обстоит дело и со включением ее в объективный социально-экономический процесс истории. Ведь мы уже знаем, что все объективные, исторические образования (семья, племя, государство, церковь и пр.) выводятся Фрейдом из тех же субъективно-психических корней, и их бытие исчерпывается все той же игрой внутренних субъективных сил (власть как идеал-Я; социальная солидарность как взаимоидентификация при общности идеал-Я; капитализм как сублимация анальной эротики и пр.).

Подводя итоги, мы можем сказать, что фрейдизм как психология цельной личности дает нам изолирующую и замыкающую формулу этой личности, формулу ее субъективного переживания мира, а не объективного поведения в мире.

4. ЗЧКА 31 ЕНИЯ

Б.Д.ФРИАМАНА

В работе Б.Д.ФРИДМАНА, к краткому рассмотрению которого мы теперь переходим, центр тяжести переносится в иные стороны фрейдизма: на первый план для него выступает проблема образования идеологий.

Марксистскую точку зрения на образование идеологий автор выражает следующим образом: «Системой неправильных отражений мотивов или источников человеческой деятельности является идеология» (стр. 145). Несколько дальше, после подтверждающей цитаты из Энгельса, автор продолжает: «Так как всякая деятельность совершается посредством мышления, ибо все, что побуждает человека к деятельности, проходит через его голову, то мышление принимается за источник побуждения. Ошибка "идеологии" заключается в том, что она допускает независимость мышления ("сознания") от других явлений, которых потому и не исследует. Все дело здесь в том, что истинные движущие силы, побудительные мотивы остаются для "идеологии" скрытыми».

Автор утверждает, что эта марксистская точка зрения на образование идеологий совпадает со взглядами Фрейда на тот же предмет.

«С точки зрения учения Фрейда, — пишет он, — способ происхождения "идеологии" объясняется механизмом рационализирования, которым обусловлен процесс образования рассудочных систем вообще. При описании! этого явления мы уже указывали, что целью его является прикрытие истинных мотивов стремления более высокими, "идеальными", исходящими первично якобы из "сознания". То обстоятельство, что действительные источники стремления остаются для личности незамеченными, объясняется связью этого процесса с системой "бессознательного". Условием образования "системы", или рационализирования является необходимость избежать осуждения, определенной тенденции со стороны "сознательного", почему возникает необходимость оправдать их».

Но, понимая одинаково процесс образования идеологий, марксизм и фрейдизм, по мнению Фридмана, изучают разные стороны этого процесса и потому прекрасно дополняют друг друга: марксизм изучает источники идеологических явлений, фрейдизм же самый способ, психический механизм их образований. «Исторический материализм

лизм рассматривает общественное "сознание", как продукт и отражение хода истории, т.е. борьбы различных "желаний" (интересов) в обществе. Учение Фрейда дает объяснение тому, как совершается процесс образования желаний и отражения их борьбы в "головах" людей, под влиянием внешних обстоятельств» (стр. 152).

Действительно, в понимании механизма образований идеологий между марксизмом и фрейдизмом есть грубое внешнее сходство. Но это сходство особого рода: так бывает похожа пародия на оригинал.

В самом деле, идеология и для фрейдизма является надстройкой, но что же является базисом этой надстройки? — Бессознательное, т.е. вытесненные субъективные влечения, преимущественно эротические. Вот что соответствует в психоанализе марксистскому базису! Все здание культуры высятся, по Фрейду, на этом своеобразном базисе вытесненных влечений. Но, более того, самый марксистский базис — экономика — для фрейдистов является тоже только надстройкой, возвышающейся над тем же субъективным базисом (например, приведенное нами фрейдистское определение капитализма). Классовой борьбе, производящей искажение идеологий, соответствует во фрейдизме борьба сознания с бессознательным. Разве все это не похоже на пародию?

Самый механизм образования идеологий втискивается психоанализом в узкие пределы субъективной психики индивида, между тем как для марксизма этот механизм социален и объективен: он предполагает взаимодействие индивидов внутри экономически организованного коллектива. Поэтому ни физиология, ни психология этот сложный объективный процесс образования идеологий раскрыть не могут; менее всего это по силам субъективной психологии. Нам уже приходилось говорить о том, что даже простейшее словесное высказывание человека (вербальная реакция его) не укладывается в рамки индивидуального организма.

Далее, искажающим идеологию фактором для марксизма является отнюдь не субъективная психика; с правильной марксистской точки зрения не только сознание в его высших проявлениях, но и все субъективно-психическое, все то, что является для человека в формах его собственного внутреннего опыта — идеологично; идеологичен самый язык этого внутреннего опыта. Искажающие идеологию факторы носят социальный, классовый, а вовсе не индивидуально психологический характер. Скрытые пружины идеологии — объективные социально-экономические силы — находятся, конечно, вне сознания идеолога, но вовсе не в его бессознательном.

Самый дух фрейдистского учения об идеологиях глубоко враждебен марксизму. Фрейдизм проникнут типично мелко-буржуазным, базарным, пафосом разоблачительства «высокого» -и «идеального» путем сведения его к низменному, «животному». Своеобразно во фрейдизме то, что это низменное животное начало представлено всемогущим внепространственным и вневременным миром бессознательного, т.е. понятно чисто спиритуалистически. Впрочем, фрейдизм здесь не одинок: спиритуалистический нигилизм (или спиритуалистический цинизм) — характер-

ное явление буржуазной современности. Известная доля нигилизма присуща и спиритуалистическому учению Бергсона о «жизненном порыве», враждебном рассудку и культурным формам, присуща и его славословиям инстинкту. Именно этот нигилистический разоблачительный дух на спиритуалистической подкладке и создал успех фрейдизма в мелкобуржуазных кругах.

От марксистского понимания формулы: «бытие определяет сознание» этот спиритуалистический нигилизм далек как небо от земли.

Фрейдовский механизм образования идеологий (тот же механизм, как мы знаем, служит по Фрейду и для образований снов и невротических симптомов) субъективистичен, индивидуалистичен и спиритуалистичен. Это механизм изолированного, самодовлеющего субъективного изживания жизни, а вовсе не тот объективный, социально-экономический механизм классовой борьбы, который, по марксистскому учению, определяет идеологическое преломление бытия сознанием.

Тезис автора, сводящийся к тому, что бытие, чтобы определять сознание, нуждается во фрейдистских механизмах, не выдерживает критики.

5. РЕФЛЕКСОЛОГИРОВАННЫЙ ФРЕЙДИЗМ А. Б. ЗАЛКИНДА

Теперь остается рассмотреть позицию **А. Б. ЗАЛКИНДА**. Его точка зрения, сводящаяся к попытке рефлексологически

истолковать фрейдизм, довольно типична. Научная ценность рефлексологии для марксизма представляется несомненной. И вот, многие полагают, что рефлексология должна служить пробным камнем для испытания марксистской пригодности всякой психологической теории.

Здесь необходимо сказать несколько слов о рефлексологии. Оспаривать громадную научную ценность рефлексологического метода, конечно, не приходится. Однако, сфера применения этого метода далеко не так широка, как этого хотелось бы некоторым рефлексологам: это один из физиологических методов, одно ИЗ разветвлений единого физиологического метода, не больше. Основные понятия рефлексологического метода определяют конкретную экспериментальную методику, в этом их значение и ценность; вне условий этой кропотливой, бесконечно медленной, но верной экспериментальной методики рефлексологический метод становится пустой рефлексологической фразеологией. Применить рефлексологический метод значит поставить новый эксперимент, а на это требуется громадное количество труда и времени. Метод движется черепашьими шагами, но зато эти шаги верны. Но когда основные рефлексологические понятия (условный рефлекс, торможение и др.) перестают организовывать эксперимент, а начинают организовывать едва ли не мировоззрение, когда они с чисто спекулятивной легкостью переносятся на области, не поддающиеся никакой лабораторно-экспериментальной обработке, эти понятия утрачивают всякую научную ценность, и с марксизмом такая рефлексология ничего общего не имеет.

Оторванный от конкретной экспериментальной методики, аппарат рефлексологических понятий превращается в ничего не говорящую пу-

тую схему, которую можно применить буквально к чему угодно. Почему бы, например, не истолковать рефлексологически учение Канта: кантовское а priori — это безусловный рефлекторный фонд, а posteriori — условные рефлексы и т.п. Вот Кант и оправдан рефлексологически. Не лепость подобной затеи ясна всякому. Но мы не думаем, что перевод на язык рефлексологии и какой-нибудь чисто психологической теории был работой более продуктивной и благодарной.

Но обратимся к Залкинд. Как осуществляет он «рефлексологизацию» фрейдизма? Что остается от фрейдизма, что остается от рефлексологии в результате соединения этих двух, на противоположных полюсах методологии находящихся, теорий?

Прежде всего Залкинд отказывается от сексуальной теории Фрейда.

«Большинство, — пишет А.Б.Залкинд (под большинством имеется в виду широкая публика), — глубоко убеждено, что "душой", гвоздем фрейдизма является его половая теория и что критическое к ней отношение убивает в корне весь фрейдизм... На самом же деле вовсе не в теории полового влечения истинный центр того фрейдизма, который радикально перетряхивает сейчас всю психо-физиологию» («Фрейдизм и марксизм», стр. 165).

Мы должны прежде всего отметить, что к этому большинству принадлежат и сам Фрейд, и все ортодоксальные и последовательные фрейдисты. Фрейдизм без его сексуальной «души» уже не совсем фрейдизм.

Далее Залкинд очищает фрейдизм с помощью рефлексологического метода (не в его экспериментальном, а фразеологическом применении) от субъективизма и метафизики.

«Рефлексологический метод спасает нас. Его чистый объективизм и биологический монизм разрушают метафизические леса вокруг здания фрейдовского учения и обнажают стойкую материалистическую сущность действительного, не искаженного фрейдизма».

Вот как Залкинд переводит на рефлексологический язык фрейдовский принцип удовольствия:

«Под принципом удовольствия следует понимать ту часть физиологического фонда, которая связана с минимальной затратой организмом его энергии, ту часть, которая накапливается и выявляется по линии наименьшего внутреннего сопротивления. Другими словами, это — врожденные, унаследованные установки организма (безусловные рефлексы), и те слои приобретенного, личного его опыта, которые непосредственно и раньше всего выросли на безусловных рефлексах, потребовав для того минимальные затраты его силы. Такими ранними и наиболее легко сформировавшимися являются, конечно, детские ("инфантильные", по Фрейду) навыки, развивающиеся обычно при всемерно облегчающем содействии окружающих взрослых (родителей, братьев и пр.), без лишних затрат организма на сосредоточение (рефлекс сосредоточения), ориентировку (ориентировочный рефлекс) и пр.» (стр. 171).

Аналогичным способом рефлексологизуется механизм вытеснения. Конечно, он оказывается не чем иным, как торможением.

«Основное понятие психоаналитиков, на котором базируются все их дальнейшие построения, — понятие "вытеснения** — является рефлексологическим. На языке рефлексов оно называется торможением. Рефлекторная жизнь организма заключается в выявлении или создании одних рефлексов и в торможении (вытеснении, оттеснении) или угасании других. Рефлексы, если можно так выразиться, конкурируют друг с другом, и один из них (или группа их) побеждает за счет оттеснения (торможения) прочих, причем победа обусловлена накоплением около первых наибольшего физиологического напряжения (очаг оптимального возбуждения по Павлову), конечно, побеждает вовсе не наиболее целесообразный рефлекс. Какая же целесообразность у пищевого рефлекса собаки, прикрепленного к нелепому звуковому сигналу? Но, во всяком случае, один из них побеждает, оказывается актуальным, впереди, другие тормозятся, оттесняются. А именно об этом у психоаналитиков и говорится. Когда тормозящее влияние тех раздражителей, которые оттеснили рефлекс, ослабевает, — оттесненный, вытесненный рефлекс может под влиянием того или иного нового стимула (раздражителя) снова появиться, "прорваться". До того же он остается в потенциальном, заторможенном состоянии, в тени актуального, рефлекторного поля или, выражаясь старым субъективистическим языком, — в тени сознания, в подсознании. Итак, пока, как видим, мы имеем у психоаналитиков понятия исключительно в разрезе учения об условных рефлексах» (А.Б.Залкинд, «Жизнь организма и внушение», ГИЗ, 1927 г., стр. 58).

Сложный у Фрейда механизм сновидения и внушения (Фрейдом его анализу посвящено несколько сотен страниц) при рефлексологизации оказывается столь простым, что Залкинд излагает его буквально на протяжении трех строк:

«Анализ механизмов сновидений, элементов внушения получает такое же рефлексологическое истолкование.

Во сне, когда прекращается действие внешних раздражителей, как мы видели, слишком часто имеющих тормозящее значение, этот внешний покой сам по себе является раздражителем растормаживающего порядка» (Статья в «Кр. Нови», 1924 г., кн. 4, стр. 175).

После рефлексологизации основных фрейдистских механизмов центральное понятие психоанализа — понятие бессознательного — оказывается, конечно, совершенно излишним.

«Итак, фрейдовские утверждения о самостоятельности бытия подсознания, об изоляции последнего от прочего рефлекторного фонда, о подчинении подсознания особого качества законам оказываются неосновательными. "Подсознание" психоаналитиков нашего толка представляет собой временно заторможенную часть общего рефлекторного фонда, и только. Ни малейшего уклонения в сторону от рефлексологического учения» («Жизнь организма», стр. 59).

Рефлексологизовав фрейдизм, Залкинд прибегает к арифметическому способу проверки обратным действием — фрейдизует рефлексологию (в

применении к собаке фрейдовский механизм выглядит весьма своеобразно).

«Чрезвычайно интересны в этом смысле опыты Павловской лаборатории над собаками (конечно, без всяких намерений фрейдовского их истолкования со стороны экспериментаторов): серией длительных и настойчиво организуемых раздражений (световых, звуковых или болевых) собака теряет способность реагировать обычным своим хватательным, слюноотдельным и прочими рефлексами на подносимый ей пахучий мясной порошок, независимо от длительности срока предшествовавшего ее голодания, если демонстрация порошка не сопровождается соответствующими условными "сигналами" (звук, свет и пр.). Вначале, конечно, происходит настойчивое торможение по адресу этого нового раздражения ("протест принципа удовольствия"): собака рвется к порошку, выделяет слюну и пр., — но пищи не дают без соответствующих предварительных сигнализаций ("принцип реальности"). Без получения "разрешения", без условного сигнала она попросту биохимически "не в силах" есть (нет слюны и прочих соков), не имеет "аппетита", "не хочет" есть». (Стр. 173, ст. в «Кр. Нови»).

Спрашивается теперь, что осталось от фрейдизма в результате залкиндовских операций?

Фрейдизм без категории бессознательного, без сексуологии, без теории влечений и, следовательно, без содержания бессознательного: без эдипова комплекса, без кастрационного комплекса и пр. и пр.; без снотолкования, без Я и Оно или, одним словом, фрейдизм без фрейдизма? Таков результат рефлексологизации.

Что осталось от рефлексологического метода?

— Три ничего не говорящих понятия: безусловный рефлекс, — условный рефлекс, — торможение, т.е. остается рефлексологический *façon de parler*, но вовсе не рефлексология.

Итак, ни фрейдизма, ни рефлексологии!

Основная ошибка в позиции Залкинда заключается в следующем: нельзя рефлексологизовать другую теорию (как вообще нельзя переводить одну теорию на язык другой теории). Применять рефлексологический метод можно не к чужой теории, а к факту, к материальному явлению; применить же его к факту — значит подчинить изучение этого факта определенной экспериментальной методике.

Но поддаются ли вообще те факты человеческого поведения, по поводу которых теоретизирует фрейдизм, рефлексологическому методу?

— Нет, не поддаются. Рефлексологический метод как чистый физиологический метод может овладеть лишь абстрактно выделенным компонентом (составною частью) человеческого поведения, но в целом это поведение не может быть понято рефлексологическим методом: ведь оно не есть только физиологический факт. Нам уже приходилось об этом говорить в другом месте (см. гл. VIII, IX). Те конфликты человеческого поведения, о которых говорит Фрейд, являются не биологическими, а объективно социологическими фактами, идеологически преломленными. Нам представляется поэтому глубоко неверным основное теоретическое у беж-

дение Залкинда в том, что «психика человека — биологическое отражение его социального бытия» (ст. в «Кр. Нови», стр. 163). Вся субъективная сторона психики, именно та, с которой имеет дело Фрейд, есть идеологическое отражение социального бытия. Самое словосочетание «биологическое отражение» представляется нам философски глубоко абсурдным. Основная мысль последней книги Залкинда, сводящаяся к попытке истолкования психологического фактора в жизни организма как совокупности условных рефлексов, — представляется нам в корне ошибочной¹¹. Сознание и вообще психический фактор нужно понять в его качественном своеобразии, а не сводить к условным рефлексам. Механизм условного рефлекса разворачивается в пределах чисто биологически понятого индивидуального организма и чистой же физической среды. В применении к человеку этот механизм — абстракция. В основе психики лежат сложные социально-экономические образования, и самая психика нуждается в особом идеологическом материале: материале слова, значащего жеста и пр.

Только в этом материале субъективно психическое дано как объективный факт. Все это никак не учтено Залкиндром.

Останавливаться на более подробном критическом анализе залкиндовской теории «психического фактора», равно как и на более подробном обосновании нашей точки зрения на психику мы в пределах данной работы, конечно, не можем. Мы рассчитываем это сделать в другом месте. Неосновательность же залкиндовской апологии фрейдизма нами, как мы надеемся, достаточно уже показана.

Остается подвести итоги.

I ИТОГИ [Психоанализ — широкое, по-своему глубоко продуманное, органически единое учение, неразрывно связанное с основными предпосылками классового сознания современной европейской буржуазии. Психоанализ плоть от плоти, кровь от крови разлагающейся буржуазной идеологии; мы видели, что он входит в основную колею современной европейской мысли. Марксистские апологии фрейдизма, решая свою безнадежную задачу соединить несоединимое, принуждены разрывать это органическое единство (пусть и большого организма), вырывать из него отдельные элементы и мотивы, которые вне целого видоизменяют или теряют свой смысл. Одни из них, как мы видели, избегая объективно анализировать самый метод, подбирают отдельные декларативные высказывания фрейдистов; другие цепляются за внешние грубые сходства между отдельными моментами фрейдистской теории и марксизма, третьи, наконец, как Залкинд, подменяют фрейдизм куцей рефлексологией.

Спокойный объективный анализ всех сторон фрейдизма едва ли может оставить какие-либо сомнения в правильности данной нами марксистской оценки этого учения.

¹¹ См. главу IX книги Залкинда «Жизнь организма»... — «Психологический фактор в свете учения о рефлексах», стр. 48-72.